

БОЛЬШАЯ ИГРА

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ • РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВЛАДИМИР ШИГИН
КАВКАЗСКИЙ
ДЕБЮТ

ОТ ЕКАТЕРИНЫ II
ДО ПАВЛА I

Большая Игра

Владимир Шигин

**Кавказский дебют. От
Екатерины II до Павла I**

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

Шигин В. В.

Кавказский дебют. От Екатерины II до Павла I / В. В. Шигин —
«ВЕЧЕ», 2022 — (Большая Игра)

ISBN 978-5-4484-8831-3

Большая Игра – так называли политики минувших эпох стратегическое противостояние России и Англии в Средней Азии в XVIII–XIX веках. Для России пролог Большой Игры начался с проекта царя Петра I о расширении наших владений и установлении прямых контактов с Индией. Его дело было продолжено императрицей Екатериной II, которая устремила свой взор на раздираемую распрями единоверную Грузию и остальное Закавказье. При ней русская армия спасла Грузию от страшного персидского нашествия и взяла под свою защиту. Дело Екатерины продолжил ее сын Павел I, который в своей восточной политике впервые решился достичь границ Индии, за что поплатился жизнью... К этому времени англичане уже бдительно следили за всеми, кто пытался посягать на «главную жемчужину британской короны». Большая Игра компромиссов не признавала... Пока Россия лишь осваивала ее правила, но уже очень скоро она нанесет Великобритании первый сокрушительный удар...

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-4484-8831-3

© Шигин В. В., 2022
© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая	34
Глава пятая	40
Часть вторая	44
Глава первая	44
Глава вторая	56
Глава третья	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Владимир Виленович Шигин

Кавказский дебют. От Екатерины II до Павла I

© Шигин В.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Большая Игра – именно так называли политики минувших эпох стратегическое противостояние России и Англии в Средней Азии в XVIII–XIX веках.

Далеко не секрет, что и сегодня в Центральной Азии идет напряженная борьба за влияние между расположенными вне этого региона великими державами, соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум. Политические аналитики и журналисты уже называют это Новой Большой игрой. Ведь Центральная Азия располагает фантастическими запасами нефти и природного газа, золотом, серебром, медью, цинком, свинцом, железной рудой, углем и хлопком.

Однако Новая Большая Игра – это гораздо больше, чем просто безжалостная гонка за контрактами и концессиями. Для сегодняшних игроков она может иметь важные и далеко идущие последствия. Так, США рассматривают новую Центральную Азию как продолжение Среднего Востока, стратегически важный для себя район, контролируя который можно координировать политическую ситуацию во всей Центральной Евразии.

Вторым активным участником Новой Большой Игры является современная Россия, исторический соперник англосаксов в данном регионе. Москва решительно настроена на то, чтобы надежно прикрыть нашу страну от каких бы то ни было угроз с азиатского направления: от влияния исламских экстремистов до наркотрафиков.

Помимо Соединенных Штатов и России, не говоря уже о Европейском сообществе, главными претендентами на определение будущего Центральной Азии являются ее ближайшие соседи: Китай, Индия, Турция, Иран и Пакистан. У каждого из новых игроков в Средней Азии свои конкретные стратегические цели. Иногда они совпадают, иногда нет. При этом очевидно одно – Большая Игра, которую вели в степях, горах и песках Средней Азии в XVIII–XIX веках Россия и Англия, все еще не окончена. Более того, сегодня к этой Игре подключились новые игроки, отчего сама Игра стала куда более сложной, а, следовательно, более непредсказуемой и опасной.

Именно поэтому мы решили обратить свой взор в далекое прошлое, чтобы, вооружившись знаниями о старой Большой Игре, понять то, что происходит в Большой Игре XXI века.

...Для России пролог Большой Игры начался с проекта царя Петра I о расширении наших владений и установлении прямых контактов с неведомой полусказочной Индией. Устремления Петра были продолжены императрицей Екатериной II, которая устремила свой взор на раздираемую распрями единоверную Грузию и остальное Закавказье. При ней русская армия спасла Грузию от страшного персидского нашествия, после которого грузины бы просто перестали существовать. Но этого не случилось, так как Россия взяла Грузию под свою защиту. Политику Екатерины продолжил и ее сын Павел I, который, несмотря на определенную непоследовательность в своей восточной политике, впервые решился достичь границ Индии, за что поплатился жизнью... К этому времени англичане уже бдительно следили за всеми, кто пытался посягать на «главную жемчужину британской короны». Большая Игра компромиссов не признавала...

Пока Россия лишь осваивала ее правила, но уже очень скоро она нанесет Великобритании первый сокрушительный удар...

*Памяти моего учителя Валерия Николаевича Ганичева,
открывшего мне путь в русскую литературу, посвящаю.*

Автор

Когда все умрут, тогда только кончится Большая Игра...

Редьярд Киплинг

*И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.*

М. Лермонтов

Часть первая

Россия вступает в большую игру

Глава первая

Едва взойдя в 1762 году на престол, императрица Екатерина II обсудила с канцлером Воронцовым и положение дел в Закавказье. Канцлер был лаконичен:

– Ваше величество, дела кавказские сегодня улажены, и, даст Бог, продлится сие еще долго. С персами у нас соблюдается мир, а с турками нет общих границ, ибо разделяет нас Кабарда и владения крымского хана.

– Ну и слава Богу, – облегченно вздохнула Екатерина. – Нам и других дел хватает!

Вмешаться в закавказские дела в Петербурге были еще не готовы. Прибывшее еще в 1760 году грузинское посольство, пытавшееся создать военный союз против Персии, не достигло своей цели. Русское правительство не желало провоцировать войну с Тегераном. По той же причине в российской столице вынуждены были ответить отказом на просьбу о помощи имеретинского царя Соломона, который долгое время вел с переменным успехом борьбу с турками.

Но, как известно, избежать войны с Турцией России все же не удалось. Министр иностранных дел короля Людовика XV герцог Шуазель, воспользовавшись разногласиями Петербурга и Константинополя по грузинскому, кабардинскому и польскому вопросам, смог убедить Порту объявить войну России. Получив из Константинополя известие об аресте своего посланника, в ноябре 1768 года Екатерина II созвала заседание Совета, на котором решено было вести наступательную войну, причем не только на южных рубежах, но и на Средиземном море. На заседании говорили и о том, что хорошо было бы помочь и Грузии, дав ей денег и несколько пушек, чтобы грузины оттянули на себе несколько турецкого войска. Русские же полки посылать туда не решились, слишком далеко и опасно.

Отделенная от России снежными вершинами кавказских гор древняя Иверия распалась к середине XVIII века на четыре независимых государства: Картлийско-Кахетинское царство, Имеретию, Мингрелию и Гурию. Все они, в свою очередь, были раздираемы внутренними смутами. Помимо этого, грузинскую землю без устали терзали то персияне, то турки, то лезгины.

В 1762 году царем Картлийско-Кахетинского царства стал талантливый политик и военачальник Ираклий II (прозванный грузинами за свой небольшой рост – Маленький Кахи), предпринявший последнюю, не слишком удачную попытку объединения грузинских земель. Примерно в то же время на престол Имеретии вступил 20-летний царь Соломон, заявивший, что освободит страну от турок. Без войск и без денег Соломон начал борьбу против завоевателей и в первое время нанес даже несколько поражений значительным превосходящим силам противника. Но затем турки прибегли к интриге, возмущив против Соломона его собственных подданных. В результате дворцового переворота Соломон был изгнан и скитался в лесах. Спустя некоторое время он обратился к лезгинам и разбил посаженного турками на имеретинский трон царя Теймураза, вновь завладев престолом. Впрочем, столица Имеретии – Кутаис остался в руках турок, а пока турки сидели в Кутаисе и в Потии, власть Соломона была лишь символической.

Но к счастью для Соломона и всей Грузии, как раз в это время началась очередная русско-турецкая война, после чего большую часть своих войск Турция должна была отправить на Дунай. В Имеретии и по всему побережью Черного моря остались лишь небольшие гарнизоны. Более того, все дороги к Батуму и Трапезунду, к этим важнейшим рынкам азиатской

Турции, оставались совершенно беззащитными, т. к. турки не предполагали с этой стороны нападений. Было очевидно, что даже небольшой армейский корпус, двигаясь этим путем, мог легко очутиться перед воротами Скутари и Константинополя. Надо ли говорить, что, узнав об изменении военной обстановки в Закавказье и уходе оттуда основных турецких сил, императрица Екатерина сразу же пожелала воспользоваться выгодами ситуации:

– Будем обещать грузинам свою помощь в обмен на поддержку в случае наступления наших войск вдоль южного берега Черного моря.

Между тем грузины также решили, что война Петербурга со Стамбулом дает им шанс укрепить союз с Россией. Прибывший в марте 1769 года в Петербург посол царя Соломона митрополит Максим Кутатели передал императрице прошение своего царя принять его «под мощное свое покровительство». Соломон просил прислать из России пять тысяч солдат и значительную денежную субсидию, обещая, что сам соберет 50-тысячное войско и «нынешним же летом знатные победы над турками сделает». Грузинский царь откровенно блефовал, стараясь заполучить русскую помощь, и в Петербурге это отлично понимали. Президент коллегии иностранных дел Никита Панин велел ответить Соломону так:

– В нынешних трудных условиях мы не можем обещать вам своего вечного покровительства, но послать армию в помощь можно вполне!

Императрица с таковой позицией Панина согласилась, однако поинтересовалась:

– Для начала мне хотелось бы знать, где именно находится Тифлис? На одних картах он на Черном море, на других на Каспийском?

– Он, ваше величество, находится как раз посередине! – склонился в почтительном полупоклоне Панин.

Для похода в Грузию был назначен отряд в составе трех пехотных рот, драгунского и гусарского эскадронов и батареи в шесть пушек. Собрать всех было велено в Кизляре. Однако затем численность отправляемого корпуса была увеличена почти до четырех тысяч человек при 12 пушках.

Был определен и постоянный посол – князь Антон Моуравов (Тархан-Моурави), сын некогда выехавшего из Грузии в Россию в свите царя Ваханга VI грузинского вельможи. Моуравов отличился в войне с Пруссией, затем хорошо зарекомендовал себя на гражданской службе, знал восточные языки, был предан России, так что лучшего посла было трудно придумать. Инструктируя Моуравова, Панин говорил назидательно:

– Ты, князь, должен всегда помнить, что интересы российские превыше интересов своих предков. Ныне же главное – скорейшее открытие военных действий против Порты в Грузии.

Но кого назначить командиром назначенного в Грузию военного отряда?

– А не назначить ли нам генерал-майора Тотлебена? – неожиданно для всех предложила Екатерина.

Присутствующие на совещании опешили.

– Как же, матушка, такого проходимца и на столь ответственное дело? – только и нашелся что сказать фаворит Григорий Орлов.

Но Екатерина на сей раз оказалась упряма:

– Кого решила, того и назначу. Генерал Тотлебен излишне пострадал в прошлое царство, так что теперь будет служить с двойным рвением!

– Гадить он будет с двойным рвением, – вполголоса произнес, наклонившись к уху брата Григория, Алексей Орлов.

Екатерина слова те услышала. Это ее еще больше разозлило:

– Как решила, так тому и быть! – закончила она совещание и стремительно покинула совещательный кабинет, оставив всех в полном недоумении.

Своему другу Вольтеру Екатерина писала в те дни: «Грузия уже воспротивилась туркам и отказалась платить им дань красивыми девушками, которые наполняли турецкие серали».

Вольтер, как всегда, отвечал императрице иронично: «Грузинский манифест об этом появился в Европе и произвел известное впечатление; очевидно, Мустафе придется отказаться впредь быть обладателем грузинских красавиц... Желаю, чтобы все грузинские девицы достались вашим офицерам – красота должна быть наградой храбрости».

Тем временем армии генералов Голицына и Долгорукова уже двинулись к Днестру и к Перекопу. Новая русско-турецкая война набирала обороты...

* * *

Выбор императрицы был действительно весьма и весьма странен. Дело в том, что граф Готлиб Курт Генрих Тотлебен был в русской армии фигурой одиозной. Перед нами типичный авантюрист XVIII века. В начале своей карьеры родившийся в Тюрингии Тотлебен служил саксонскому курфюрсту, потом польскому королю, затем поступил в прусскую армию, но был обвинен в коррупции и бежал, не дожидаясь результатов расследования, после чего был заочно приговорен к пожизненному изгнанию. После неудачной попытки поступить на баварскую службу Тотлебен подался служить в Голландию. Отсутствие военных успехов он всегда возмещал победами на амурном фронте. В частности, соблазнил и похитил (будучи уже женатым!) 15-летнюю наследницу миллионного состояния Марию Виктор. Голландцы объявили Тотлебена в розыск, но не поймали. После этого Тотлебен каким-то образом добился разрешения вернуться в Пруссию, но затем вновь был изгнан оттуда за новые преступления. После Пруссии Тотлебен безуспешно пытался пристроиться в австрийскую армию, а когда это не удалось, подался в Россию. Поступив на русскую военную службу, во время Семилетней войны он прославился сначала как покоритель Берлина (который стремительно захватил с небольшим отрядом, а затем же столь же стремительно вернул пруссакам). Впоследствии говорили, что захват Берлина был договорным, но доказательств тому не нашли. Сохранились свидетельства, что во время Семилетней войны в отряде Тотлебена служил простым казаком Емельян Пугачев. Однажды Тотлебен, увидев его у себя в ординарцах, сказал окружающим:

– Чем больше я смотрю на этого казака, тем более поражаюсь его сходством с великим князем Петром Федоровичем!

Эти слова, случайно или специально сказанные в присутствии Пугачева, произвели на последнего столь сильное впечатление, что впоследствии и дали ему мысль назваться покойным императором.

Отличился Тотлебен и доносами на многих талантливых российских полководцев – на Чернышева, на Ласси, на Румянцева. А затем Тотлебен был уличен офицерами собственного корпуса в пересылке пруссакам секретных приказов. Произведено было строжайшее следствие, схвачен связной, у которого нашли переписку Тотлебена с прусским королем, маршруты и несколько зашифрованных записок. Арестованного Тотлебена отвезли в Петербург и предали военному суду, который приговорил его к смертной казни четвертованием.

Однако вступив на трон, Екатерина II сразу же изменила приговор – графа лишили чинов и наград и выслали из страны. В случае самовольного возвращения Тотлебена в Россию каждый россиянин имел право безнаказанно убить его как уличенного государственного изменника. Где пребывал и чем занимался Тотлебен целых шесть лет, никто не знает. Скорее всего, скитался по Европе, скрываясь от кредиторов.

В 1768 году Тотлебен оказался вовлечен французами в политическую игру против России в Крыму, Польше и на Украине. В частности, он тайно ездил в Запорожскую Сечь, где пытался подговорить запорожцев к выступлению против России. А дальше произошло нечто невероятное. Весной 1769 года Тотлебен обратился к Екатерине II с прошением о поступлении на российскую военную службу, после чего его восстановили в звании генерал-майора. Историки склоняются, что между Екатериной и Тотлебенем существовала определенная полити-

ческая связь еще в бытность царствования императрицы Елизаветы. Именно отсюда и указ Екатерины об отмене смертной казни, и указ о возвращении Тотлебена в русскую службу. Что же до нового назначения Тотлебена командующим русскими войсками в Грузии, то худшей кандидатуры на эту должность просто невозможно было придумать.

* * *

Как бы то ни было, Закавказский корпус, порученный в команду Тотлебена, собирался в Моздоке. В него вошли Томский пехотный полк, четыре эскадрона конницы и пятьсот казаков при двенадцати орудиях.

Стояла поздняя осень, поэтому Тотлебен не решился сразу выступить всеми силами. Оставив пехоту и артиллерию зимовать в Моздоке, он во главе конного отряда в четыреста сабель при четырех орудиях скорым маршем двинулся к Тифлису. Преодолев немалые трудности, маленький отряд перебрался через Кавказский хребет. Кавалерия шла долинами Терека и Арагви. Слева от всадников взымались горные утесы Девдоракского ущелья. Один неверный шаг – и только эхо твоего последнего крика останется в память о тебе... Чтобы лошади не шарахались, им завязывали глаза, но себе-то глаза не завяжешь! Так козыми тропами и шли, пока не дошли.

В ноябре 1769 года Тотлебен расположился на зимние квартиры в Грузии. И сразу же начал плести интриги вокруг царя Ираклия и собственных офицеров. Одновременно генерал изгнал из корпуса всех офицеров грузинского происхождения, которые могли оказать неоценимую услугу. Затем его взор обратился на честного и храброго подполковника Чоглокова, присланного к нему волонтером, подозревая, что тот послан для присмотра.

Наконец, в довершение всего Тотлебен неожиданно раскрыл «заговор» против себя среди своих подчиненных. Главой заговора был, разумеется, определен подполковник Чоглоков. В доносах на Чоглокова Тотлебен спустил всех собак, обвиняя подполковника в барстве (большом личном обозе), распространении слухов, что он после великого князя следующий по праву наследник российского престола (мать Чоглокова приходилась двоюродной сестрой императрице Елизавете Петровне), что Чоглоков якобы подговаривал царя Ираклия дать ему самостоятельное войско для войны с турками и мечтал стать царем Армении, наконец, что Чоглоков хочет арестовать его самого. Первым делом Тотлебен арестовал Чоглокова. Затем было арестовано еще несколько офицеров. Расправившись с Чоглоковым, Тотлебен взялся за подполковника Ратиева, который должен был доставить в Грузию артиллерию. Зная, что Ратиев дружен с Чоглоковым, Тотлебен решил арестовать и его, причем без всяких к тому оснований. Но храбрый Ратиев сам арестовал прибывший к нему караул, а затем направил свой артиллерийский обоз не в лагерь Тотлебена, где его ничего хорошего не ждало, а прямо в Тифлис к царю Ираклию. Туда же в Тифлис бежал из-под ареста и подполковник Чоглоков. После этого большинство офицеров заявило, что они поддерживают оклеветанных подполковников и не желают служить под началом генерала-изменника. Особенно негодовали офицеры направленного в Грузию Томского пехотного полка. Испугавшись, что томцы могут поставить заслоны и прервать сообщение с Моздоком, Тотлебен выступил к крепости Ананури, запиравшую Кавказские горы и контролировавшую долину реки Арагви. Находясь в Ананури, генерал стал приводить окрестное население к присяге на верность императрице, а также рассылать партии солдат для проведения реквизиций, что вскоре (при попустительстве начальства) вылилось в банальный грабеж.

Затем Тотлебен затеял интригу с грузинским царем и его окружением. Так как Тотлебен не понимал ни слова по-русски, за ним всегда неотступно следовал переводчик. Перед офицерами генерал заявил следующее:

– Подчинив себе Томский полк, я намерен немедля идти к Тифлису, отомстить противникам, возвратить похищенную Ратиевым артиллерию, войско и припасы. Затем я подчиню всю Грузию русской власти, лишу царя Ираклия пожалованной ему императрицей Андреевской ленты и утоплю подлеца в Черном море.

От слов таких офицеры только крестились. Эко хватил, будто и не генерал-майор вовсе, а целый самодержец.

Чоглоков, узнав о намерениях Тотлебена, срочно отписал в Петербург, что тот или сошел с ума, или замышляет новую измену. Разумеется, в таких условиях всеобщих интриг, наветов и заговоров об успешных боевых действиях не могло быть и речи. Тут впору было со своими справиться.

Что касается Чоглокова, то при расследовании всех обстоятельств его «заговора» следователей интересовал только один факт, действительно ли Чоглоков говорил, что является третьим лицом в России и если с Екатериной II и ее сыном Павлом что-нибудь случится, то престол принадлежит ему. Неизвестно, действительно ли говорил так Чоглоков, но свидетельства Тотлебена оказалось достаточным, чтобы лишить Чоглокова звания и сослать в Сибирь, где он и оставался до кончины Екатерины II.

Лишь весной 1770 года царь Ираклий и генерал Тотлебен вместе двинулись против турок к Ахалциху.

Во время похода в минуты отдыха Ираклий рассказывал русским офицерам о своем участии в индийском походе шаха Надира. Тогда он, семнадцатилетним цесаревичем, был вызван к шаху и определен в его адъютанты. В том знаменитом походе персидское войско огнем и мечом прошло по Афганистану, а затем по Индии до самого Джанабада. В тех сражениях Ираклий проявил завидное мужество, отличился при штурме Кандагара и был отмечен Надиршахом. Более всего рассказывал грузинский царь, как сражался с боевыми слонами индусов.

– О, если бы русская царица решила бы идти в Индию, я обязательно вызвался вести авангард вашего войска. Я прекрасно помню все дороги туда, афганские перевалы и тропы в индийских джунглях!

– Индия слишком далеко, – отвечал через переводчика практичный Тотлебен. – Пока же нам надо изгнать персов с Кавказа.

– Вы просто никогда не были в Индии, – усмехнулся Ираклий. – Если бы побывали, то всегда мечтали бы туда вернуться, даже если бы пришлось для этого пройти тысячи и тысячи миль через пустыни и горы.

Некоторое время между царем и генералом отношения были внешне вполне доброжелательными, но едва войска дошли до Аспиндза, опять возникли разногласия. На военном совете Тотлебен заявил, что не желает вступать в бой с неприятелем, на что Ираклий вполне обоснованно заявил:

– Если вы не желали сражаться с врагом, для чего вообще выступали в поход?

Возможно, все удалось бы как-то уладить, но в спор вмешался 24-летний царевич Георгий.

– Генерал! Неприлично в такое время изменять царю! – кричал он запальчиво.

– Вступать в сражение я не могу ввиду отсутствия повеления от императрицы, – сухо возразил Тотлебен. – К тому же я располагаю столь малыми силами, что не могу сражаться с сильнейшим противником.

– Вы только срамите русское войско и роняете честь великой России, – продолжал царевич. – Если вы трусите, то мы сразимся одни и, одержав победу, донесем императрице о вашей трусости.

После этих слов Тотлебен выскочил из царского шатра и приказал русским войскам немедленно отделиться от грузин. По сути дела, это было самое настоящее предательство. Увидев, что русские уходят, в грузинском войске началась паника.

* * *

Оставшись один, Ираклий навел порядок в своем воинстве, но все равно в одиночку он уже не мог противостоять туркам, а потому должен был возвращаться назад. На обратном пути грузинскому войску все же пришлось выдержать жестокое сражение с лезгинами и турками, пытаясь отрезать пути отступления.

Возле селения Аспиндза царь во главе отборной конницы встретил и разгромил полуторатысячный турецко-лезгинский отряд, шедший на помощь неприятельскому гарнизону в Ацхуре. Бой был настолько упорным, что сам Ираклий вынужден был сражаться наравне с простыми воинами. Окруженный врагами, он в рукопашной схватке зарубил лезгинского военачальника и только этим подвигом вырвал победу из рук неприятеля.

Сражение еще не закончилось, когда со стороны Ахалциха показались передовые части 8-тысячного турецкого корпуса. Вначале Ираклий намеренно дал возможность половине турок до наступления ночи перейти Куру через узкий мост. Вторая половина корпуса, не успев перейти мост, собиралась сделать это на следующий день. Это была явная ошибка, и Ираклий ей воспользовался. Ночью он послал воинов-диверсантов во главе с князьями Агавава Эристави, Симоном Мухранбатони и Худией Борчалойским к Аспиндазскому мосту. В темноте отряд внезапно напал и перебил охраняющих мост воинов. Затем диверсанты полностью разобрали мост и бросили доски в Куру, а оставшуюся конструкцию подпилили на три четверти. Таким образом, перешедшим через мост туркам путь назад был отрезан, а у оставшихся на левом берегу Куры их соратников не было никакой возможности помочь собратьям, так как из-за весеннего половодья вброд реку перейти было невозможно. На следующий день Ираклий атаковал врага, который не выдержал сильного натиска и беспорядочно начал отступать к мосту. Не выдержав веса напавшей толпы, перепиленный мост провалился, и Кура унесла жизни нескольких сотен турок. В ходе последующего сражения турки были разгромлены, потеряв три тысячи только убитыми. Погиб сам командующий корпусом Голла-паша, а также несколько известных турецких беков. Разгром турок давал все шансы на скорое овладение крепостью Ахалцих и всем пашалыком, но ввиду ухода отряда Тотлебена Ираклий вынужден был вернуться в Тифлис.

Надо ли говорить, что вскоре в Петербург полетели обоюдные жалобы. Тотлебен писал императрице, что грузины совсем не помогали ему, а только всячески пакостили. Ираклий, со своей стороны, пенял на самовольное отделение Тотлебена, из-за чего грузинское войско едва не потерпело поражение. Для расследования дела и прекращения смут в Грузию был послан капитан Языков. Но пока он ехал, Тотлебен перешел со своим отрядом в Имеретию, где действовал уже более энергично и решительно. Так, на глазах имеретинского царя наши приступом взяли укрепленный замок Богдатцыха, потом замок Шагербах и, наконец, овладели столицей Имеретии – Кутаисом.

Из донесения Тотлебена: «... Турецкая крепость Кутаиси... сего августа на 7-е число чрез штурм взята и неприятели взяты в полон, а иные побиты и почти никто не ушел, и притом завоевано неприятельских знамен – три, пушек – семнадцать, мортир медных – четыре, бомб и ядер разных калибров – очень довольно. С нашей же стороны урон очень мал и почти ничего нет...»

На самом деле все обстояло несколько иначе. Тотлебен начал переговоры с гарнизоном о сдаче крепости; турки были согласны сдаться, но с условием, что их отпустят живыми. Когда же Тотлебену стало известно, что в ближайшую ночь турки намерены уйти из крепости, он назначил в пикеты лично преданных ему иностранных офицеров. Когда спустилась ночь, гарнизон крепости вышел из нее, беспрепятственно прошел между пикетами и растворился в ночи... Узнав о кутаисском обмане, капитаны Яковлев и Львов пытались обвинить Тотлебена

в очередной измене, но доказать ничего не смогли. Тотлебен лишь посетовал на нерадивость дозорных офицеров. Неожиданно для всех сразу же после взятия цитадели сам Тотлебен обвинил царя Соломона в том, что, тот, взяв деньги, не поставил должного количества провианта и вообще мешал ему действовать против турок.

Прибывший в Кутаис Языков безуспешно пытался склонить генерала к примирению с Ираклием и Соломоном. В своем донесении Языков написал, что Тотлебен «не терпит противоречия», а также стремится действовать самостоятельно, без помощи союзников, исключительно из тщеславия, не желая ни с кем делиться славой.

Сразу после освобождения Кутаиса царь Соломон приказал разрушить его высокие стены и укрепленные башни города, чтобы турки не могли в будущем снова там укрепиться. Так закончилась 120-летняя турецкая оккупация Имеретии.

В это время, так и не дождавшись помощи Тотлебена, царь Ираклий выступил против лезгин. Вскоре его военачальник князь Моуравов разбил крупный отряд лезгин в 1200 человек, шедший в Ахалцих. Через пять дней «кумыцкий владелец Аджигерибер», собрав четыре тысячи лезгин, совершил набег на тушинские земли. Однако отряд горцев был разбит князем Челакаевым, который прислал царю в знак победы «по древнему обыкновению – триста правых рук и столько же носов, отрезанных от мертвых неприятельских трупов».

* * *

Так как Петербург требовал решительных действий против турок, в октябре 1770 года Тотлебен двинулся к Потти.

Всюду росли лимонные, персиковые и чайные деревья, цвели вечнозеленые киномоны, розы и лавры, радовали взор пальмовые рощи, а непроходимые девственные леса еще неприступнее, чем в Мингрелии и Имеретии.

Тонколиственные азалии, с красивыми желтыми цветами, испускали тяжелый, одуряющий запах. Вытягиваясь до шести аршин, они покрывают долины и поля. Там и тут солдатам приходилось продирается сквозь заросли гигантских папоротников и чащи рододендронов с длинными листьями и роскошными лиловыми букетами. На привалах прятались от солнца в темно-зеленой листве чинар, каштанов и пальм...

Начало похода было успешным. Встреченный по пути 12-тысячный турецкий корпус был наголову разбит, и, подойдя к Потти, Тотлебен приступил к осаде приморской крепости.

Потти имел четыре бастиона безо рва и каких-либо наружных дополнительных укреплений. Но повторить успех Кутаиса не получилось. Не имея осадных орудий, русский корпус не смог нанести гарнизону существенного вреда, в то время как сам нес чувствительные потери. Кроме этого, Тотлебен крайне неудачно расположил лагерь войск – на расстоянии ружейного выстрела, под прикрытием плохо устроенных укреплений. Снабжение также желало много лучшего. У большей части солдат мундиры и обувь износились. Отряд испытывал нужду в провианте. От недоедания среди солдат стала распространяться цинга. В декабре абхазы угнали из-под русского лагеря четыре сотни лошадей, превратив нашу конницу в пехоту. Ситуация осложнялась и тем, что в декабре турки сосредоточили большие силы в Батуми, готовясь прийти на помощь потийскому гарнизону. Для ослабленного русского корпуса это было смертельно опасно.

Подводя итог бедственному положению корпуса под Потти, капитан Языков в донесении писал: «Мы держимся здесь... одним счастьем наша великия государыни».

Кроме всего этого, опять плелись интриги. На этот раз козни затевали правители Мингрелии и Гурии. Если князь Даддани думал использовать русских для защиты от своего конкурента царя Соломона, то Соломон надеялся русскими руками покорить Мингрелию и Гурию, не помышляя о том, чтобы воевать с турками.

Из донесения капитана Ивана Львова: «...здесь, в Грузии, не меньше партии, но еще более, как у нас в старину бывало – нет почти трех фамилий, чтоб были согласны: главная ж причина тому та, что, как вам известно, претендентов на грузинское царство справедливее Ираклия не мало, и потому он большою частью нетерпим».

Все это привело к тому, что, в очередной раз рассорившись с грузинами, Тотлебен был вынужден ни с чем отступить от крепости. Заметим, что Тотлебен, пытаясь хоть как-то сохранить благожелательность императрицы, послал ей сообщение, что переименовал еще не взятый Поти в... город Екатерины. Но глупая лесть не удалась. Узнав о бездарном ведении войны в Грузии, Екатерина наконец-то осознала свою ошибку с назначением Тотлебена и решила его отозвать.

– Я думаю, что Тотлебен способнее в Грузии наши дела испортить, нежели оные привести в полезное состояние! – призналась она Панину.

Тот согласно кивнул:

– Кем же будем его менять?

– Пошлем генерал-майора Сухотина, он и генерал боевой, – предложил Панин.

Прибывший в Грузию Сухотин продолжил было осаду Поти. Но, потеряв от малярии в мингрельских болотах около восьми сотен человек, генерал подал в отставку, сказался больным и уехал в Тифлис. Обвинив очередного российского генерала в измене, Соломон пожаловался на Сухотина императрице. Назначили следствие. Между тем Екатерина признала бесполезным далее держать столь нужные ей сейчас войска за Кавказским хребтом.

5 мая 1772 года русский корпус вышел из Кутаиса, имеретийский царь сам провожал наших солдат до картлийской границы и снабдил их всем необходимым. Соломон «с корпусом нашим в слезах расставшись, назад возвратился». Совершив обратный переход через горы, русский корпус вернулся на Кавказскую пограничную линию.

Что же касается Тотлебена, то лучше всего его дела в Закавказье описал в своем рапорте капитан Языков: «С наичувствительнейшей прискорбностью должен я в. с. истинную донести, что граф Тотлебен более стыда, нежели похвалы в здешнем краю нашей нации сделал!»

Отозванный в Петербург Тотлебен был тем не менее награжден орденом Александра Невского и чином генерал-поручика, после чего отправлен в Польшу, где командовал конницей из башкиров, калмыков и казаков, но вскоре, к всеобщей радости, заболел и помер от горячки.

После ухода русских войск из Грузии там осталось немало дезертировавших солдат, которых собрать не было никакой возможности. Многие из них сбивались в разбойничьи шайки. Так, бывший солдат Семитриев с шайкой в триста человек пробрался даже на Каспийское море, где успешно грабил туркменских и персидских купцов, раздобыл четыре пушки и, вконец обнаглел, наконец, объявился на Волге. Будь Семитриев более амбициозным, то вполне мог стать предвестником Пугачева. Но не смог или просто не успел, так как вскоре был разбит царскими войсками, бежал на Дон, где и был выдан казаками.

После ухода русских войск Соломон самостоятельно продолжал военные действия, защищая от нападений турок границы своего маленького государства.

При всех неудачах Закавказский корпус все же выполнил свою основную задачу – отвлек часть турецких сил от главного театра военных действий. Кроме этого, факт перехода русскими войсками Кавказского хребта с артиллерией и обозами произвел большое впечатление как в Закавказье, так и в Турции. Прибытие же русского отряда в Грузию побудило грузинских царей вступить в войну с Портой, результатом чего стала победа при Аспиндзе, а также занятие крепостей Имеретии.

Что касается Грузии, то после ухода русских Соломон с Ираклием при посредстве Персии заключили достаточно выгодный мир с турками. При этом Ираклий даже получил от султана шубу, лошадь с убором и саблю, что считалось весьма почетно.

В мае 1774 года русские корпуса перешли Дунай и начали активные боевые действия. После этого верховный визирь немедленно запросил перемирия. 10 июля 1774 года в селе Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор. К чести императрицы Екатерины, заключая мир с Высокой Портой, она не забыла и о союзных грузинах, выговорив им весьма выгодные условия. Это значило, что российская императрица по-прежнему имела вполне определенные планы не только на Закавказье, но при благоприятных условиях готова была продолжить восточную политику Петра Великого.

Глава вторая

Идея проникновения в среднеазиатские пределы, оброненная Петром Великим, действительно снова была востребована в годы правления Екатерины II.

Бесплодный и пустой восточный берег Каспийского моря, занимаемый лишь кочующими по его степям полудикими киргизами и туркменами, издавна привлекал внимание нашего правительства. Причины такого внимания были серьезными: через Каспий пролегали дороги в ханства Средней Азии, а от них в сказочно богатые шелком, золотом и драгоценными камнями Индию и Китай.

С ханствами Россия торговала в Прикаспии с незапамятных времен. С целью прочно утвердиться на восточном берегу Каспия Петр Великий в 1716–1717 годах снарядил экспедицию князя Бековича, которая закончилась трагически. Торговля между тем продолжалась, и предположения основать крепость на восточном берегу моря время от времени возобновлялись.

С 1775 года, когда американская война стала стеснять английскую торговлю в Индии, заметно начала усиливаться наша торговля с ней через Бухару и Оренбург, а потому пробудились давние замыслы на прокладку кратчайшей дороги. За дело взялся фаворит императрицы Екатерины II (и ее тайный муж) князь Григорий Потемкин. Обустроив к середине 70-х годов XVIII века пограничную линию на Кавказе по Тереку и Кубани. Во время одной из встреч он признался императрице о сокровенном:

– Знаешь, матушка, хочу я сделать попытку проникнуть в даль степей закаспийских.

– Эко куда тебя понесло, Гриша. Уж не в Индию ли собрался на слонах кататься! – со смехом ударила его веером по руке Екатерина.

– Истинно так, матушка! – поправил тот черную повязку на незрячем глазу. – Мечтаю наладить с державами азиатскими торговлю выгодную, а затем и до индийских пределов добраться. Чем мы хуже англичан, французов и прочих?

– Легко говорить, да трудно сделать, – покачала головой Екатерина. – Петр Великий тоже вот пытался, а что из того вышло?

– Все это так, – не отставал от нее Потемкин. – Однако, ежели мы будем сидеть, ничего не делая, англичане страны азиатские рано или поздно подгребут под себя. Они завсегда везде лезут, а мир, как известно, пустоты не терпит.

– И то верно, – наконец согласилась императрица. – Рассказывай, что удумал...

Спустя несколько дней Сенат получил указание готовить указ об учреждении особой Каспийской экспедиции, а Адмиралтейств-коллегии снаряжать флотилию для ее осуществления. Любопытно, что и Екатерина, и Потемкин в своей переписке именовали экспедицию не иначе, как Индийской.

На первом этапе экспедиции было решено занять выгодную бухту на восточном побережье моря, поставив там крепость и порт. В дальнейшем, если все сложится благоприятно и будут свободные финансы и войска, то можно будет завладеть северными провинциями Персии, одновременно вступив в тесный союз с союзным Грузинским царством.

Тем временем в Петербурге решали, кого ставить во главе будущей экспедиции. После недолгих обсуждений остановились на кандидатуре генерал-поручика Суворова. При этом Суворов официально назначался начальником Казанской дивизии. В те времена дивизиями именовались военные округа. Всего таких дивизий-округов в России было двенадцать. Командовали же ими генерал-фельдмаршалы и генерал-аншефы. Таким образом, назначение Суворова было весьма престижным, хотя его Казанская дивизия была из всех самой маленькой.

Секретный ордер Потемкина от 11 января 1780 года предписывал: «Часто повторяемые дерзости ханов, владеющих по берегам Каспийского моря, решили, наконец, Ея Император-

ское Величество усмирить оных силою своего победоносного оружия. Усердная Ваша служба, искусство военное и успехи, всегда приобретаемые, побудили Монаршее благоволение избрать Вас исполнителем сего дела».

– Надлежит тебе, Александр Васильевич, вступить в команду над всеми войсками в Астраханской провинции, наладить сношение с грузинским царем Ираклием и владельцами прикаспийских ханств, – наставлял Суворова князь Потемкин. – Рассчитай маршруты и численность сухопутных и морских сил и количество потребных для них артиллерии, амуниции, провианта и других припасов на поход к Решту и возможное занятие Армении.

Перед отъездом Суворов посетил поборника освобождения Армении от персов архиепископа Иосифа Аргутинского и в течение двух часов расспрашивал его об Армении, ее дорогах, крепостях, состоянии престола Святого Эчмиадзина, а уезжая, сказал:

– Не желаю вас сильно обнадеживать, но сдается мне, по последним политическим конъюнктурам, возможно, вскоре армия русская восстановит ваше государство. Сейчас я прямо от вас еду к светлейшему князю, чтобы говорить об этом и передать ему все сказанное вами о землях армянских.

Итак, начальник будущей экспедиции был определен. Теперь надлежало найти, кто возглавит Каспийскую флотилию.

– А кого поставим во главе флотилии? – спросил императрицу Потемкин. – Есть ли, матушка, на сей счет какие соображения?

– А чего далеко ходить, – пожал плечами Екатерина. – Вон, капитан моей шлюпки граф Войнович толковый и распорядительный, к тому же еще и кавалер георгиевский, чем не кандидатур?

– Что ж, – согласился Потемкин, – кандидатур действительно подходящий!

Далматинец граф Марко Войнович происходил родом из Боки Которской. В 1770 году поступил на российскую флотскую службу с чином мичмана. В том же году был отправлен на корабле в Средиземное море. Во время боевых действий с турками командовал шебекой и фрегатом, участвовал в Патрасском сражении, в блокаде Бейрута, во многих крейсерствах и захватах вражеских судов, получив за это Георгиевский крест. По окончании войны был произведен в капитан-лейтенанты, служил в Балтийском флоте, командуя фрегатом, а затем назначен капитаном императорской шлюпки и командиром придворной флотилии. Репутацию Войнович имел самую боевую, но не как флотовождь, а как удачливый капер и морской партизан.

Итак, решение о новой масштабной экспедиции в Персидские пределы было принято и теперь началось ее выполнение.

* * *

В начале февраля 1780 года генерал-поручик Александр Суворов вместе с женой Варварой Ивановной приехал в Астрахань, остановившись в богатом пригородном имении села Началова «Черепахе», что славилось на всю Россию своим виноградом.

В Астрахани Суворов сразу же занялся выяснением путей от Кизляра к Решту и проверкой подчиненной ему Каспийской флотилии. Сразу же он вступил в переписку с царем Картли-Кахетии Ираклием II, ханами Бухары и Хивы. Помимо этого, начал важную переписку с воинственным и вероломным владельцем Гиляна Гедает-ханом, соблазняя его склониться на сторону России. Наладил собственную агентуру, состоящую по большей части из армянских купцов, имевших обширные торговые связи. От них Суворов получал важные сведения о прикаспийских ханствах и положении в Персии, на основании которых составлял карты и описания возможных маршрутов экспедиции.

В 1780 году в полусонной Астрахани снова, как в далекие петровские годы, все пришло в движение. Застучали топоры на еще вчера заброшенных верфях, а в городе появились мат-

росы и флотские офицеры. Летом на воду были спущены сразу три военных фрегата, бомбардирский корабль и четыре транспортных бота. Таких мощных судов на Каспийском море еще не видывали. Впрочем, качество судов оставляло желать много лучшего. Суда будущей флотилии строились из самого дешевого гнилого леса, а потому они почти сразу потекли. Снабжена флотилия была тоже наскоро и не полностью. Да и конструкция судов желала много лучшего. Орудийные порты на фрегатах были размещены столь низко, что их нельзя было открывать даже в тихий брамсельный ветер, а потому в море падали только с верхней палубы из мелких фальконетов.

Между тем в отношении организации сухопутной экспедиции ничего реально не делалось. Суворов пребывал в отчаянии. Статс-секретарю императрицы по военным делам Петру Турчанинову он писал: «... Жарам и комарам чуть за месяц. Я чищу желудок миллефолиумом (тысячелистником. – *В.Ш.*)... Жду ваших уведомлений, как манну с небеси... Спросите вы, Милостивый Государь мой, чем я в бездействе упражняюсь? В грусти из моей кибитки исхожу на полеванье (охоту. – *В.Ш.*), но к уединению... Необходимо надлежало бы мне знать термин начала экспедиции... Сия есть не вредная делу откровенность, мне же весьма полезная. Отдаю протчее верховной власти...»

В июне 1781 года в Астрахань, наконец, прибыл командующий Каспийской флотилией капитан 2 ранга граф Войнович. В тайной инструкции ему было предписано основать укрепление на одном из островов у восточного берега Каспия и стараться «о проложении» торговых путей в Индию, «притом велено всеми средствами покровительствовать нашей торговле на этом море, очень стесняемой персиянами». Власть при этом Войновичу была дана полная, и никому, кроме него, не была открыта цель экспедиции.

К сожалению, отношения между Войновичем и Суворовым сразу не задались. Суворов в соответствии с Табелем о рангах требовал соответствующего уважения и подчинения, а Войнович считал себя в соответствии с полученной инструкцией самостоятельным начальником. Когда же Суворов стал излагать графу свои взгляды на ход будущей экспедиции, тот только презрительно махнул рукой:

– Вы, ваше превосходительство, можете и не высовываться из Астрахани. Я сам морским ключом отопру почивальню персидской царь-девицы! Мне ваши баталионы без надобности!

Надо ли говорить, что после этого общение двух начальников сошло на «нет».

Раздосадованный Суворов, хорошо изучивший повадки восточных правителей, предупредил Турчанинова о ненадежности успехов заезжего графа, который может быть легко обманут коварными восточными правителями. Получилось, как в воду глядел...

* * *

На морские просторы Каспия флотилия вышла 8 июля, имея в составе три фрегата, бомбардирский корабль и два почтовых бота, да 443 человека команды. Подгоняемая свежим попутным ветром, флотилия совершила первый переход и встала на якорь у острова Жилого, что против Апшеронского полуострова. Оттуда Войнович послал один бот в Баку проведать тамошние обстоятельства, занявшись промерами глубин вокруг острова. Через пять дней, когда бот из Баку вернулся, он послал его в порт Энзели. Затем Войнович направился с флотилией к юго-восточному берегу Каспия, к острову Огурчинскому (Огурджалы). Остров на самом деле напоминал огромный огурец. На Огурчинском не было ничего, кроме песка, сам же остров тянется узкой косой шириной около мили и длиной около сорока миль с севера на юг. Говорили, что когда-то остров был прибежищем морских разбойников, грабивших персидские морские караваны, теперь же он был пустынен. Во время сильных зимних штормов волны Каспия перекатывались через него в узких местах, меняя очертания. От полуострова Челекен Огурчинский был отделен проливом в шесть миль. Увидев, что Огурчинский песчанен, гол и

безводен, Войнович снялся с якоря и направился прямо в Астрабадский залив (в юго-восточном углу Каспия), куда и прибыл на третий день перехода.

Астрабадский залив, о котором Войнович был наслышан и на который весьма рассчитывал заранее, его ожиданий не обманул. Якорь суда бросили верстах в шестидесяти от города Астрабада, в небольшой тихой гавани, окруженной высокими горами, на которых лежал вечный снег. Обширный, глубокий и закрытый от северных ветров, залив прилегал к цветущей предгорной равнине, прорезанной многочисленными ручьями и оттененной густыми деревьями.

Сойдя на берег и осмотревшись, Войнович пришел в восторг. Лучшего места для будущей крепости и порта трудно было себе представить.

Погоды на берегу залива большей частью были хорошими, а климат здоровым. Свежей воды и корабельного леса вдоволь, а кроме того, плодовые сады, богатые поля, полные скота пастбища и богатые деревни.

Рядом были и дороги на гилянские города Астрабад и Сари. Ну, а кроме этого, по словам местных жителей, отсюда было всего каких-то пять недель караванного пути и до Индии. Дело оставалось за малым – исходатайствовать у персиян позволения утвердиться на их берегу, устроиться и скликнуть купцов на новый выгодный торговый путь.

Следует напомнить, что Астрабадская и Мазендеранская области уже раз были уступлены России в 1723 году, во время Персидского похода Петра Великого, но никогда еще не занимались русскими войсками, а вскоре по смерти Петра обратно отданы персидскому шаху.

Увы, прибыл Войнович в Персию в самое неподходящее время. В стране полным ходом шел ожесточенный передел наследства убитого Надир-шаха и все воевали со всеми. При этом именно владетель Мазендеранской и Гилянской провинций Ага Мохаммед-хан считался сильнейшим из претендентов на шахскую корону. Ага Мохаммед личность в нашем дальнейшем повествовании весьма значимая, а потому познакомимся с ним поближе. Он являлся сыном предводителя тюркского племени каджаров.

Его отец Мохаммед-Хасан-хан некоторое время был придворным племянника грозного Надир-шаха, но вскоре попал в опалу и был вынужден бежать, тогда как шестилетний Ага Мохаммед был по приказу шаха оскроплен. Физическое увечье, служившее к тому же предметом насмешек окружающих (за глаза его прозвали Ахта-хан, то есть Скопец-хан), нанесло жестокую душевную травму ребенку, превратив его в человека вероломного и безжалостного.

Из хроники жизни Ага Мохаммеда: «Еще ребенком, носил при себе нож и пользовался всяким случаем резать во дворе богатые ковры, хоть этим вредить ненавистному шаху. Маленький ростом, сухощавый, со сморщенным и безбородым лицом евнуха, Ага Мохаммед-хан казался извергом. Ненависть и кровавая злоба, сверкающие в глубоко впавших глазах, свидетельствовали о противоестественных страстях, кипевших в его поблекшей душе. Был умен, хитер и деятелен».

После оскропления Ага Мохаммед жил в Туркменской степи у своего отца, ставшего правителем Мазендерана и Гиляна, и принимал участие в его военных походах. Однако в 1760 году Мохаммед-Хасан-хан потерпел поражение и был обезглавлен Карим-ханом Зендом, а в 1762 году молодой Ага Мохаммед с братьями был отправлен заложником к Карим-хану в Шираз. При этом Карим-хан обращался с ним хорошо и даже женился на одной из его родственниц. Некоторое время спустя Ага Мохаммед вернулся в Мазендеран и Гилян, подчинив их себе. Однако амбиции скопца простирались значительно дальше. Он видел себя не удельным ханом, а шахом всей Персии...

Что и говорить, Войновичу предстояло иметь дело с очень серьезным оппонентом. Впрочем, хитрый Ага Мохаммед-хан поначалу встретил русских весьма приветливо. Воевавший с владетелем Испагани хан полагал, что союз с русскими ему будет выгоден.

Ага Мохаммед очень ласково ответил на посланное от Войновича с офицером письмо, заявив, что не только охотно уступит любое место на берегу Астрабадского залива для постройки фактории, но обещал даже помочь своими людьми и материалами.

Вернувшийся из Решта лейтенант Радинг бодро доложил:

– Хан Гилянский поил меня чаем с халвой и самолично изъяснял, какие предвидит выгоды для своей державы от учреждения здесь российского торгового пристанища, а поэтому охотно уступает на астрабадском берегу урочище Городовин под русское селение.

– А что сказал хан относительно постройки нами крепости? – спросил Войнович.

– Я заверил его, что сия крепость строится единственно для защиты пристани и будущего базара от набегов диких туркмен.

– И хан этим ответом удовлетворился?

– Вполне!

– Значит, дело почитай сделано! – потер руки Войнович. – А этот несносный Суворов разглагольствовал, чуть ли не о походе Александра Македонского!

Не теряя времени, в сентябре было приступлено к построению укрепления на берегу в 80 саженях от моря в урочище Городовин. Для этого свезли с фрегатов 18 шестифунтовых пушек, соорудили временную тростниковую казарму, госпиталь, амбар, несколько домиков и магазин для будущих купцов, а также пристань. Оставалось поднять российский флаг на построенном укреплении, на что надо было получить разрешение князя Потемкина, а на это надо было немалое время.

Так в повседневных заботах и получении разрешения от Потемкина прошло четыре месяца.

* * *

Между тем Ага Мохаммед-хан неожиданно переменял свое отношение к чужеземцам, строившим крепость на его земле. Дело в том, что дела хана в последнее время шли неважно. Только что конкуренты выбили Ага Мохаммеда из провинции Казбин и Решта, и, ослабленный в своих силах, он теперь страшился российского соседства.

Поэтому Ага Мохаммед замыслил дело для европейцев неслыханное, но для персов вполне обыденное – обманом захватить Войновича в плен и принудить покинуть укрепление.

Удобный случай, разумеется, вскоре представился: 15 декабря в день рождения Пророка Мухаммеда Войнович с офицерами были приглашены в гости к местному губернатору в город Сари. При этом было объявлено, что тот приглашает всех начальников, а угощение и подарки будут как никогда щедры! Ну, кто же откажется хорошо погулять за счет другого. Поэтому в тот раз Войнович отправился пировать со всеми командирами судов. Все, по обыкновению, были еще и безоружны.

Место будущего пира было разбито весьма близко от российского укрепления, всего в четырех верстах. Персы встретили русских моряков с необыкновенным восторгом. При этом от Войновича не осталось без внимания, что встречавшие были возбуждены и вооружены. Поняв, что замышляется что-то недоброе, а может, вспомнив жуткую судьбу Бековича-Черкасского, Войнович забеспокоился, но изменить что-то было уже поздно.

Около часа прошло в восточных церемониях и обрядах празднества. Офицеры все время сидели как на иголках и торопились убраться восвояси. Наконец Войнович встал, поблагодарил губернатора за гостеприимство и просил его отпустить их домой. Но в ответ на это губернатор грозно объявил, что по повелению Ага Мохаммед-хана он должен их арестовать. После этого Войнович и остальные офицеры были немедленно схвачены, связаны, брошены в тюрьму, где на них надели тяжелые колодки.

«Сколько ни жалостно было состояние всех нас, и болезненно от крайнего мучения, – вспоминал позднее лейтенант Радинг, – однако состояние графа Войновича было действительно всех горестнее; ибо сверх равного с нами в телесной муке страдания, преимущественно терзался он признанием собственно себя самого виною всему несчастному приключению, а наипаче рвался, воображая ту страшную разность, которую сделал он в участи своей чрез сие падение».

На следующий день губернатор объявил Войновичу требования хана, состоявшие в том, чтобы все укрепления были немедленно скрыты, угрожая, в противном случае, принудить офицерам к тому страшными муками. На это Войнович ответил, что русский закон воспрещает пленному начальнику отдавать приказания.

Персы между тем попытались силой овладеть укреплением. Оставшиеся без офицеров матросы кое-как отбились, но персы захватили три десятка матросов, рубивших дрова в лесу. После чего взяли крепостицу в осаду. Было ясно, что матросам без офицеров долго не продержаться.

Войнович собрал офицерский совет. Наверное, это был единственный офицерский совет, где участники совещались с невольничьими колодками на шеях. Положение было признано безвыходным.

– Я не вижу никаких средств к освобождению, зная бессилие оставшегося в крепости гарнизона. Кроме этого, и сам гарнизон без нас вскоре пропадет, а вместе с ним и вся флотилия. Выход один – принять условия персов. Какие будут мнения?

Других мнений не было. Да и что можно сделать, сидя в подвале с колодкой на шее?

– Впрочем, мы можем утешиться тем, что укрепление на матером берегу поставлено мной по моему собственному произволу, тогда как повелено было избрать для укрепления один из островов у юго-восточного берега Каспия, – немного успокоил подчиненных капитан 2 ранга.

С разрешения хана в укрепление был отправлен помощник Войновича капитан-лейтенант Баскаков с повелением скрыть укрепление, а пушки перевезти на фрегаты. Отпуская капитан-лейтенанта Баскакова, персидский губернатор предупредил его, что, если ретраншемент не будет разрушен, остальные пленные будут преданы мучительной казни. Тот в ответ лишь молча кивнул.

Когда Баскаков добрался до крепости и начал ее разрушение, персы освободили пленных матросов, а офицерам заменили тяжеленные колодки более легкими цепями. Затем их перевезли в город Сари, где Войнович наконец-то встретился с вероломным Ага Мохаммед-ханом. Тот принял пленников ласково, велел снять цепи, извинялся в насильственном поступке, уверял, что был принужден к этому своими подозрительными подданными, обещал немедленное освобождение и даже предлагал новые услуги. Что оставалось Войновичу? Только делать вид, что он верит ханским обещаниям.

* * *

Минули две мучительные недели, а освобождения все не было. Между тем, пользуясь относительной свободой, офицеры старались склонить на свою сторону наиболее влиятельных вельмож. Насколько они в этом преуспели, нам неизвестно, но 2 января 1782 года хан приказал наконец-то отпустить Войновича и его свиту. Казалось, что теперь-то все напасти позади, но не тут-то было! Дело в том, что сам хан случайно или преднамеренно покинул город, а подозрительные горожане, узнав об освобождении русских, окружили жилище пленников и грозились их перебить.

Неизвестно, чем бы все кончилось, но один из ханских вельмож успел укрыть офицеров в своем доме, а ночью, дав лошадей и проводника, тайком выпроводил из города. Надо ли гово-

рять, что Войнович с офицерами проскакали все девяносто верст, отделяющих город Сари до крепостицы, как сумасшедшие. Наконец-то, они были среди своих! Радостные матросы качали вернувшихся офицеров на руках. А на следующий день Войнович свалился в горячке от перенесенных переживаний. Несколько дней он был между жизнью и смертью, но молодой организм и микстуры сделали свое дело, и капитан 2 ранга пошел на поправку.

Но на этом проблемы не кончились. Не имея возможности уведомить правительство о своих злоключениях ранее весны (когда очистится от льда устье Волги), капитан 2 ранга отошел с флотилией под северный берег залива, к острову Оретос и стал ожидать, какие ему последуют повеления. Между тем Ага Мохаммед-хан, сожалея, что так дешево отпустил пленных, или, одумавшись, что дружба с русскими ему, на самом деле, полезнее вражды, стал писать дружеские письма Войновичу, снова предлагая ему построить крепость на материке. Войнович, разумеется, отделялся вежливыми ничего не значащими словами благодарности. Окончательного разрыва он не желал, так как наши брали на берегу воду и дрова. Удостоверившись, что русский начальник ему больше не поверит, Ага Мохаммед-хан отправил своего посланника к российскому двору с извинениями и обещаниями любви и дружбы. Однако императрица Екатерина, уже извещенная о вероломстве хана, его посланника не приняла и отправила ни с чем обратно.

Только 8 июля 1782 года в Астрабадский залив прибыл почтовый бот с приказом о возвращении в Астрахань. После этого, пополнив запасы воды, флотилия оставила Астрабадский залив. По пути в Астрахань Войнович осмотрел Балханский залив, после чего зашел в Баку. Там российская флотилия была встречена салютом из крепостных орудий. Прибытие эскадры привело бакинских жителей в большой страх. Дело в том, что для них военные корабли были невиданной диковинкой и они подозревали, что на самом деле корабли не русские, а Ага Мохаммед-хана, о жестокости и вероломстве которого они были уже хорошо наслышаны. В Баку Войнович провел переговоры с местным ханом о покровительстве нашему купечеству, торговавшему здесь и в Дербенте. 9 сентября флотилия без потерь подошла к устью Волги и прибыла в Астрахань.

По возвращении, получив новый приказ, Войнович отправил в Астрабад фрегат с двумя ботами, под командой капитан-лейтенанта Баскакова как для защиты поселенцев и торговых судов, так и для наблюдения, дабы на Каспийском море не появился персидский флот. С Баскаковым присланы были при этом подарки Ага Мохаммеду.

Сам же Войнович выехал в Петербург. Там он был благосклонно принят императрицей, которая не усмотрела вины капитана 2 ранга в пленении. Более того, за перенесенные тяготы Войнович получил чин капитана 1 ранга и перстень с бриллиантом. Пребывая в столице, он еще несколько лет номинально считался командующим Каспийской флотилией, а в 1787 году, произведенный в контр-адмиралы, был послан командовать корабельной эскадрой в Черном море.

Неудавшаяся экспедиция из-за изменившихся военно-политических приоритетов больше не возобновлялась. Кроме этого, все суда эскадры Войновича через год службы оказались сгнившими.

Однако отныне на Каспийском море, при устье Волги, было велено постоянно содержать значительную флотилию «для покровительства нашей коммерции и содержания в обузданности ханов, коих владения лежат на берегу Каспийского моря». При этом каждое лето один из фрегатов занимал постоянный пост в Астрабадском заливе, напоминая персам о русском присутствии на Каспии.

* * *

Между тем Суворов по-прежнему прозябал в Астрахани, в неведении будет ли когда-либо организована военная экспедиция, которой он формально командовал, или нет.

«Ныне, чувствуя себя всеми забытым, – делился он своей печалью со статс-секретарем императрицы Турчаниновым, – не должен ли я давно сомневатца в колебленной милости ко мне моего покровителя, одного его имея и невинно лишась, что мне тогда делать, как стремитца к уединению, сему тихому пристанищу, и в нем остатки дней моих препроводить? Кроме примечательных слабостей телесных от долголетней нелицемерной моей службы, чувствую, что болезнь она, пред сим лет шесть меня угнетавшая, снова ныне свой яд в меня поселяет».

Суворова раздражало местное общество, провинциальные сплетни, суета, интриги. К тому же он не находил никакой поддержки со стороны губернатора Ивана Якоби, который являлся противником экспедиции.

Из писем Суворова: «Но года два что я? Оставить службу рад, удалюсь мирских сует – говорю по чувствам: но, как одушевленный, – оставить службу грех!» Истинно грех, потому что он исповедует принцип «долг к Императорской службе столь обширен, что всякий другой долг в нем исчезает».

Коротая время, Суворов гулял по деревне Началово, одаривая крестьянских детишек пряниками и орехами. Впоследствии он часто вспоминал астраханскую жизнь, говоря окружающим:

– Давно уж не проводил я время так весело, как в Астрахани!

Но на самом деле веселого в Астрахани для Суворова было мало. Около двух лет пришлось томиться ему там в ожидании какого-либо определенного дела. При этом в подчинении у Суворова не было, по сути, ничего. Даже обещанные два полка Казанской дивизии в Астрахань так и не прибыли. Суворов считал себя сосланным и, лишенный любимого дела, был ввергнут в состояние желчной раздражительности. «Боже мой, долго ли меня в таком тиранстве будут томить!» – писал он в письмах.

Еще на Дунае он подхватил лихорадку, которая теперь напомнила о себе. В Астрахани активно обсуждали сплетни о генерал-поручике. Неуживчивый, склонный к неожиданным, озорным выходкам, генерал казался местным обывателям вздорным чудаком. О нем плели небылицы. По городу из рук в руки ходил пасквиль, где Суворов выведен был под именем некоего Фехт-Али-хана.

Командир единственного размещенного в городе Астраханского полка полковник Пиери не был подчинен генерал-поручику и поэтому откровенно пресмыкался перед временно исполнявшим обязанности губернатора Жуковым (Суворов дал ему кличку «вице-ре»). Посещения по праздникам именитых горожан превращались для Суворова в подлинную пытку, но и отказаться нельзя – до ушей светлейшего дойдет...

Из воспоминаний современника: «Привыкши обедать очень рано, в восемь-девять часов, Суворов долго сидел с Варютой в гостиной у Пиери, ожидая приглашения к столу. Голландские часы в дубовом футляре били два, били три раза, а приглашения все не было. Но вот Пиери дал знак и сам бросился к дверям. Тотчас грянул скрытый ширмою военный оркестр, не удостоивший того Суворова по его приезде.

– Не двуклассной ли кто? – тревожно сказал Суворов жене.

– Полно, откуда здесь быть генерал-аншефу...

Суворов подскочил к окну:

– Ба! Вице-реева карета! Тайного принимают как аншефа!

Он повернулся к слугам и сказал сдавленным от обиды голосом:

– Чего ждете? Сейчас несите обед!

Когда Жуков, в сопровождении Пиери, показался в покоях, Суворов уже сидел за столом, пробуя блюда и отодвигая их одно за другим. Увидев вошедших, он схватился за живот:

– Кушанье застылое, переспелое, подправленное. Мочи нет, велите доктора позвать! Пары воздвигло из моего желудка в мозг».

Постигла в Астрахани Суворова и семейная трагедия. В один из дней жена открылась ему в том, что некий «ризомаратель» напал на нее и, угрожая двумя пистолетами, овладел ею. Взбешенный Суворов пишет своему покровителю Турчанинову, требуя наказать насильника. Впрочем, история эта покрыта мраком тайны и до сего времени никто не знает, было ли действительно насилие или имела место заурядная супружеская измена.

А вскоре задуманная военная экспедиция в Персию была окончательно отменена. Дело в том, что между императором Австро-Венгрии Иосифом и Екатериной наметился взаимовыгодный военный союз. 18 мая 1781 года был заключен союзный русско-австрийский договор. В его секретных статьях Австрия обязалась вступить в войну, в случае нападения на Россию Турции. Данный договор развязывал руки для выполнения планов России в Северном Причерноморье. Вместо запутанной политики в Европе императрица Екатерина поставила перед собой новые приоритеты – присоединение Крыма и Северного Причерноморья. Момент для этого был выбран весьма удачно. Франция только что схватилась с Англией, выступив на стороне мятежных североамериканских колоний. Испанцы отчаянно пытались выбить англичан из Гибралтара. Голландцы же стремились восстановить свои торговые позиции в Индии, где их все больше и больше теснили все те же англичане. В этой ситуации намечаемая Каспийская экспедиция сразу же утратила свою актуальность. Отныне все силы и средства России направлялись на юг для решающей схватки с турками за побережье Черного моря.

Только в декабре 1781 года Суворов, наконец, убыл из Астрахани в Казань, а оттуда на пограничную Кубань, где принял под команду Кубанский корпус. Впереди Суворова ждали самые великие победы и всемирная слава...

Глава третья

После того как в 1724 году грузинский царь Вахтанг VI потерпел поражение в войне с турками, и бежал в Петербург, Грузия стала провинцией Высокой Порты. Это временно положило конец влиянию Персии, однако Тегеран так легко уступить Закавказью не собирался. И в 1744 году жестокий и воинственный Надир-шах, начав войну с Константинополем, после нескольких побед изгнал турок и отвоевал Грузию. На престол в Картли он посадил верного ему Теймураза II, а его сыну Ираклию отдал в правление Кахетию.

Повелитель Персии Надир-шах был, безусловно, великим правителем, сумевшим за короткое время собрать под свою руку огромную державу. Кроме Персии и Азербайджана, империя Надир-шаха включала Армению и Грузию, Дагестан, Афганистан и Белуджистан, Хивинское и Бухарское ханства. А затем воинственный шах захватил и столицу Великих Моголов – Дели.

Кстати, сами персы свою страну Персией никогда не называли. Персия – это наименование чисто европейское и персам XVIII века чуждое. Официально государство называли по имени правящей на тот момент династии. Например, во время династии Сефевидов Персия именовалась Довляти Алийя Сефяфи, что в переводе значило «Государство Высшего дома Сефевидов». При династии Афшаров Персия именовалась как Довляти Алийя Афшар, а при Каджарах, соответственно, как Довляти Алийя Гаджар.

Отныне Российская империя граничила с державой, включавшей в свой состав Индию и простиравшейся до самых китайских границ. Наверное, никогда еще далекая Индия не была так политически близка к России, как во время шаха Надира. Ведь начиналась она фактически прямо за пограничным Терекком...

Был бы жив великий Петр, наверное, уж он-то оценил бы сию метаморфозу и, несомненно, как-то воспользовался происшедшим геополитическим кульбитом. Но Петр был давно мертв, а сидевшая на российском престоле Екатерина (впоследствии также Великая!) была озабочена делом не менее важным и куда более злободневным – выходом империи на берега Черного моря и присоединением Крыма.

Но, как известно, ничто и никто не вечен в этом мире, и в 1747 году великий и ужасный Надир-шах был зарезан в постели собственными телохранителями. Как это обычно бывает, после смерти тирана началась междоусобица. Тело покорителя Кавказа и Индии еще не остыло, как в стране начались войны претендентов на опустевший трон. Но худа без добра не бывает. Благодаря этой неразберихе Грузия получила политическую передышку. Увы, но и в Тифлисе также начались распри между царем-отцом и наследником-сыном, в результате чего отец Теймураз бежал, по грузинскому обыкновению, в Россию, а сын Ираклий объединил Картли с Кахетией. В результате, несмотря на уход персов, спокойнее на грузинских границах не стало. Едва ушли персы, как грузин тут же начали дожимать воинственные лезгины дагестанского владетеля Омар-хана, доходящие порой в своих набегах до стен столицы.

По сути, никакой Грузии как единого государства уже не существовало. Ираклий II являлся царем лишь двух небольших княжеств. Да и эти земли он едва мог контролировать. Находившиеся раньше в зависимости от грузинского царя ханы демонстративно заявляли о своей независимости. По всей Грузии процветал разбой. Так как купцы теперь старались объезжать грузинские земли стороной, практически остановилась торговля. Были разгромлены серебряные заводы – последняя надежда Ираклия. Жители Казахской и Шамшадильской провинций переселились в соседние ханства и вышли из повиновения. Торговцы и ремесленники подались в более безопасные Моздок и Кизляр. Крестьяне бежали с равнин в горы, где могли едва прокормиться, но где был шанс остаться в живых.

Ну, а затем, когда распри в Персии немного улеглись, заявил о своих претензиях на Грузию новый шах Али-Мурат. На этот раз персы были настроены решительно, желая уже не только подчинить грузин, но и навсегда искоренить в Грузии христианство.

Поняв, что все закончится очень плохо, престарелый Ираклий решил отдаться под руку единой России, которая должна была в этом случае защищать его народ от всех напастей. О своем решении Ираклий незамедлительно известил Петербург.

Предложение грузинского царя у императрицы Екатерины, прямо скажем, восторга не вызвало. Пребывая в раздумьях, она говорила своему главному советчику светлейшему князю Потемкину так:

– Зачем, Гриша, нам сии дикие горы? Проку от них никакого, а забот превеликих вперед на века получим!

– Так-то оно так, – отвечал ей мудрый Потемкин. – Однако, матушка, коли мы не возьмем под свое крыло грузин, персы вырежут всех напрочь, а край грузинский заселят магометанами. Ну, а кроме того, встав крепко по ту сторону Кавказских гор, будем мы держать оттуда и турок, и персов на коротком поводку. Чуть что, сразу наотмашь!

И Екатерина доводам Потемкина вняла.

Присоединение Грузии отвечало и проведенной экспедиции капитана 2 ранга Войновича на Каспийском море. Екатерина четко обозначила новый вектор своих будущих интересов.

24 июля 1783 года в древней столице Картлийского царства Гори был подписан акт о присоединении Грузии к России. А в августе 1783 года в крепости Георгиевская был подписан трактат, вошедший в историю как Георгиевский, по которому над Картлийско-Кахетинским царством устанавливался российский протекторат.

Чтобы новоявленные россияне чувствовали себя в безопасности, в Тифлис отправились два батальона егерей полковника Бурнашева при двух пушках и двух единорогах. Общее командование было поручено генерал-поручику Павлу Потемкину (будущему графу и генерал-аншефу), племяннику светлейшего князя Потемкина-Таврического. По пути Потемкин-младший заложил крепость Владикавказ, связав ее цепью полевых укреплений с городом-крепостью Моздоком.

Именно Павлу Потемкину принадлежит честь открытия «большого пути» через Главный Кавказский хребет. Это он переоборудовал древнюю караванную тропу, проходившую через Дарьяльское ущелье, в стратегически важную дорогу.

Появление русских войск в Тифлисе произвело должное впечатление на властителя Персии Ага Мохаммед-хана. Казалось, что опасность для грузинского царя Ираклия II миновала, и Потемкин убыл обратно.

Батальоны шли по дороге через Дарьяльское ущелье, которую еще только достраивали солдаты Селенгинского мушкетёрского полка. Впоследствии эту стратегическую дорогу между Россией и Грузией назовут Военно-Грузинской.

Грузины встречали русских солдат, стоя на коленях и рыдая от счастья...

В Константинополе же и в Исфахане дружно схватились за головы. Еще бы! Русские без единого выстрела заняли Грузию, и теперь попробуй их оттуда выковырни!

– Увы, начинает сбываться легенда о Гоге и Магоге, мечтавших разрушить благословенные мусульманские царства! – печалился в Константинополе султан Абдул-Хамид. – Русская царица уже своевольно прибирает принадлежащие по праву нам земли к своим рукам! Пора преподать ей хороший урок!

– Малаллах! – в негодовании заламывал руки в Тегеране шах Али Мурад. – Должно быть, загадочная Московия и в самом деле великая страна, коль столь легко присоединяет к себе целые царства, за которые мы бьемся сотни лет! Но и воины великого Ирана тоже чего-то стоят!

А в прилегающих к Грузии турецких провинциях началась настоящая паника. Дошло до того, что жители причерноморского Трапезунда, узрев вдалеке плывущую стаю лебедей, приняли их за приближающийся российский Черноморский флот и тысячами бежали в горы.

Решение императрицы не встретило одобрения даже среди высших сановников. Так, наш тогдашний посол в Англии граф Воронцов открыто презирал грузин. В узком кругу он, не стесняясь, говорил:

– Зачем Россия ввязывается в глупые конфликты в Закавказье, за непроходимыми ущельями? Я не понимаю, какой может быть в том наш интерес!

Действительно, какой интерес был России поддерживать грузин, которых накануне подписания Георгиевского трактата оставалось всего каких-то 250 тысяч? Еще чуть-чуть и они навсегда бы исчезли из мировой истории.

Пока шли все эти «ахи» и «охи», 24 января 1784 года в Тифлис прибыл российский полномочный посол полковник Томара. В кожаном портфеле он привез акт о присоединении Грузии к российской короне. История Закавказья вступала в новую эпоху – российскую.

* * *

Одновременно с послом Томарой в Грузию прибыл и любимый племянник светлейшего князя Потемкина граф Алексей Самойлов, назначенный российским уполномоченным при грузинском царе. Назначили Самойлова не просто так. Граф являлся одним из самых доверенных лиц Екатерины. К слову, он был единственным, кто присутствовал на тайном венчании своего дяди с императрицей. Для миссии в Грузии Самойлов подходил идеально. Прежде всего, он был в курсе всех политических интриг, т. к. двенадцать лет занимал должность правителя дел Совета при высочайшем дворе. При этом Самойлов имел и неплохой боевой опыт. В прошлую турецкую войну храбро дрался под Силистрией, получив Георгиевский крест, а затем, командуя Таврическим егерским корпусом, успешно гонял крымских татар у Перекопа. Теперь ему предстояло обеспечить безболезненное присоединение Грузии к России. Дело в том, что Ираклию сохранялся до конца жизни его царский титул, а в самой Грузии старое административное управление. Но, несмотря на эти серьезные привилегии, противников соединения с Россией в Тифлисе хватало с избытком, и именно Самойлову предстояло объяснить недовольным, что они неправы.

Церемония вхождения Грузинского царства в состав Российской империи состоялась 24 января 1784 года. Присланные Екатериной новые царские регалии для Ираклия, украшенные соединенными гербами России и Грузии, были торжественно доставлены во дворец, где сам царь встретил их со всеми подобающими почестями. Стоя у ступеней трона, окруженный царевичами, придворными чинами и духовенством, Ираклий с почтением выслушал приветственную речь посла Томары, после чего принял от него новую корону, скипетр и царскую мантию.

Из хроники событий: «В десять часов утра Ираклий, предшествуемый регалиями, торжественно вступил в Сионский собор и, войдя на приготовленный трон, возложил на себя царскую мантию. Придворные чины, державшие остальные регалии, разместились по сторонам трона, а на ступенях и у подножия его стали царские сыновья и внуки. Далее, по направлению к царским дверям, поставлены были два небольших столика, художественно отделанные слоновой костью и золотой инкрустацией; на одном из них, покрытом золотым глазетом, лежала ратифицированная грамота императрицы, а на другом, покрытом бархатом, – ратификация Ираклия. Сам католикос Грузии совершал богослужение. При первом возглашении имени русской императрицы загудели колокола во всех церквях Тифлиса, а с батарей Метехского замка грянул пушечный залп, потрясший массивные стены древнего собора. По окончании молебствия совершился обмен ратификациями, а затем Ираклий, осененный государственным зна-

менем и имея по сторонам себя русских полковников Томару и Бурнашева, перед крестом и святым Евангелием произнес присягу. Торжественный день завершился парадным обедом во дворце, на который были приглашены все находящиеся в Тифлисе русские офицеры. Музыка и пушечные выстрелы сопровождали пиршество. Народ ликовал на площадях и улицах, и в течение целого дня неумолкаемо гудел колокольный звон, стреляли пушки, лилось рекой кахетинское, а вечером весь город и окрестные горы были озарены роскошной иллюминацией. При этом тост за российскую императрицу сопровождался ста одним пушечным выстрелом, за царя Ираклия и за членов русского императорского дома – пятьдесят одним, за остальных членов грузинского царствующего дома и за светлейшего князя Потемкина, как покровителя Грузии, – тридцать одним».

На следующий день на верность России присягнула грузинская знать. Тогда же в Петербург был отправлен официальный посол князь Чавчавадзе.

* * *

Однако не все вышло столь безоблачно. Вскоре эмиссары турецкого султана Абдул-Хамида без особого труда спровоцировали воинственных лезгин снова взяться за оружие. На сей раз внезапному нападению горцев подверглось селенье Черынь, на берегу речки Алазани. Ворвавшись в Черынь, разбойники вырезали жителей и с награбленным добром бежали в горы.

Увы, но два егерских батальона были бессильны защитить всю страну и ее жителей. Генерал Самойлов имел серьезный разговор с царем Ираклием, буквально заставив того сформировать местную милицию. Тогда же Самойлов объявил, что столь дерзкое нападение оставлять безнаказанным нельзя и следует послать экспедицию по наказанию за кровавый набег.

По договоренности Самойлов возглавил русские батальоны, Ираклий собственное ополчение. Не теряя времени даром, Самойлов выступил в поход. Что касается грузин, то они все медлили и медлили. Тем временем отовсюду приходили сведения, что уверовавшие в безнаказанность лезгины продолжают нападать на незащищенные села. Самойлов злился на нерасторопность Ираклия, но спорить с грузинским царем прав не имел.

Между тем наступила глубокая осень. В течение всех четырех суток похода шел проливной дождь, размывший дороги до невозможности везти по ним пушки, которые приходилось тащить на руках. Кроме этого, стремительно прибывала вода в Алазани и было очевидно, что скоро вброд ее уже будет не перейти. Неизвестно, чем бы все закончилось, но внезапно пришло известие, что большой отряд лезгин возвращается из набега из-под Гянджи как раз в сторону реки.

Собрав офицеров, Самойлов был лаконичен:

– Хищников отпустить никак нельзя! Пусть грузинский царь делает что пожелает, мы же выступаем на врага немедленно!

С двумя батальонами, драгунским эскадроном и несколькими пушками Самойлов устремился на пересечку разбойников, чтобы успеть отрезать их от переправ. Но подойти незамеченными не удалось, лазутчики у горцев были хорошие. Вовремя заметив русских, лезгины заняли прибрежный густой лес близ села Муганды и укрепились.

На офицерском совете было решено дело не затягивать, а взять занятый лес штурмом. Атаковали двумя колоннами. Первую возглавил подполковник принц Гессен-Рейнсфельдский, вторую – полковник Бурнашев. Одновременно Самойлов велел артиллерии жестко палить в лес, не давая возможности лезгинам собраться для контратаки. Едва начался бой, как вдалеке показалось грузинское воинство.

При себе каждый грузинский воин имел ружье с длинным узким ложе и примитивным кремневым замком-миклети, за поясом – пистолет-домбачи и меч с кинжалом, на груди – патронташ с газырями и пороховой рог-натруску. Через плечо у грузин висели холщовые

сумки-абгы, а за спинами – объемные мешки-жирницы с курдюками. Одеты большинство воинов были еще в прадедовские цепные рубашки. От пуль они не спасали, но от сабельного удара защищали неплохо. При этом грузины много кричали между собой и плохо слушались своих начальников. Даже на переходе командовать ими было сущим мучением. Что же касается сражения, то там каждый воевал как умел и хотел.

– Как говорится лучше поздно, чем никогда! – пробурчал Самойлов, разглядывая в подзорную трубу разношерстное воинство царя Ираклия.

Увы, толку от появившихся грузин было немного. Подойдя к месту боя, они... расположились на отдых, с интересом наблюдая за начавшимся сражением.

Между тем егерские колонны уже вступили в лес, где сразу же были встречены яростным огнем засевавших среди деревьев и кустарника лезгин. Начался жестокий бой, переходивший местами в рукопашные схватки. Во время одной из таких отчаянных схваток был смертельно ранен подполковник принц Гессен-Рейнсфельдский. Только спустя пять часов егерям удалось наконец-то выбить противника из леса на опушку. Тут дело пошло веселее, т. к. в дело вступили и бывшие до этого в резерве драгуны. Их удара лезгины уже не выдержали и бежали, бросаясь с лошадьми в бурную Куру. Но здесь им сильно не повезло. На берегу уже ждали предусмотрительно перевезенные Самойловым пушки, которые начали расстреливать картечью плывущих. Вскоре река покрылась человеческими и конскими трупами, а волны окрасились кровью. Успех был полным. Как впоследствии подсчитали, только в лесу осталось более двухсот убитых лезгин, сколько же их было расстреляно в реке, никто никогда не узнает. Наши потери при этом были весьма незначительны.

Обрадованный неожиданной победой, царь Ираклий устроил в Тифлисе торжественную встречу русским войскам и пригласил Самойлова прямо в собор, где местный патриарх отслужил благодарственный молебен. Умершего вскоре от ран принца Гессен-Рейнсфельдского погребли в одной из церквей.

– Что ж, первая кровь за Грузию нами уже пролита, – мрачно высказался на панихиде Самойлов. – Посмотрим, насколько грузины будут благодарны!

В начале зимы Самойлов уехал из Тифлиса в Петербург, назначив вместо себя комиссионером при грузинском царе полковника Степана Бурнашева. Выбор оказался весьма удачным, и полковник быстро нашел общий язык с царем Ираклием, с которым впоследствии почти приятельствовал. За плечами Бурнашева было немало подвигов. Так, в турецкую войну по своей инициативе он храбро атаковал и взял штурмом Арабатскую крепость, а затем крепости Керчь и Еникале, заслуженно получив за подвиги Георгиевский крест. Впоследствии командовал Курским пехотным полком. Во время эпидемии чумы, проявив смелость и завидную распорядительность, быстро прекратил заразу в своем полку. Впоследствии вместе с Суворовым успешно изгнал турок из Крыма. При этом, имея весьма редкое тогда инженерное образование, Бурнашев был одним из самых образованных российских офицеров. Когда полковника спрашивали, что он больше всего любит, тот, вздыхая, отвечал:

– Люблю строить дома, красивые и прочные. К сожалению, по профессии своей военной чаще приходится оные рушить.

С собой Бурнашев всегда возил сундук с книгами по гидравлике, механике и картографии, которые и читал в нечастые минуты отдыха.

Глубокие снега, завалившие горные ущелья в конце 1784 года, приостановили военные действия до будущей весны. Но всем было очевидно, что схваткой при Чердыне война с лезгинами не закончилась.

* * *

Как только весной 1785 года в горах подтаял снег, Грузия подверглась очередному дерзкому нападению своих воинственных соседей. На этот раз большой отряд, в который, помимо лезгин, вошли и турецкие янычары, стремительно ворвался в Картли. Фактически этим нападением Турция начала необъявленную войну с Россией. Но дипломаты будут писать ноты потом, пока надо было просто как-то отбиться.

А отряд захватчиков уже стремительно прошел через Боржомское ущелье и, разорив несколько деревень, захватил в плен более шестисот грузин. Однако на этом удача от лезгин и турок отвернулась. Стоявший в ближайшем селении Сураме, с двумя ротами белорусских егерей, майор Сенненберг, узнав о нападении, без долгих раздумий немедленно кинулся в погоню, имея всего две сотни солдат и одну-единственную пушку. Риск ввязываться в драку со столь малыми силами был очень велик, но и спускать разбойникам было никак нельзя!

Сенненберг настиг противника в семи верстах от Сурама на берегу Куры у деревни Хощуры. Отягощенные большой добычей и пленниками, разбойники не ожидали столь быстрой реакции русских и были застигнуты врасплох. Картечью и ружейным огнем майор быстро прижал противника к обрывистому берегу реки. Напрасно лезгины и турки несколько раз отчаянно бросались в сабельные атаки, стремясь проложить себе дорогу домой. Раз за разом егеря отбрасывали их обратно, щедро поражая картечью и пулями. Более четырех часов длился тот жестокий бой, пока не завершился почти полным истреблением неприятеля. Тысяча триста мертвых тел было оставлено противником на поле сражения. Оставшиеся в живых, бросаясь в Куру, тонули, и сотни трупов стремительно неслись по быстрой речке до самого Тифлиса. При этом наибольшие потери пришлось на долю вероломных турок. Помимо множества убитых, двести турок были взяты в плен. Победу при Хощурах праздновало все христианское Закавказье.

Казалось бы, два наглядных урока должны были дать понять воинственным горцам, что время безнаказанных набегов на Грузию уже прошло. Но лезгины были упрямы и решились попытать удачу еще раз. Причем они не придумали ничего лучшего, как снова напасть на Картли!

28 мая нападавших встретил на берегу Куры все тот же храбрый майор Сенненберг со своими егерями. На этот раз нашим пыталась помочь и грузинская конница, но толку от нее было немного. Вступив в бой, грузинские всадники были практически мгновенно сметены лезгинами и рассеялись по всей округе. Теперь нашим офицерам и солдатам надо было рассчитывать только на себя. А вошедшие в раж лезгины уже стремительно атаковали русскую пехоту...

Из хроники событий: «Безумная отвага их (лезгин. – *В.Ш.*) превосходила все, что можно себе представить, но это были уже последние вспышки дикой энергии, последние отблески грозной и кровавой славы, некогда озарявшей лезгинские знамена. Встречая везде несокрушимую стену русских штыков, неприятель дрогнул, смешался и обратился в бегство, оставив триста тел на поле сражения».

Картлийские села и деревни были спасены...

Получив от Бурнашева доклад об итогах двух сражений с горцами, князь Григорий Потемкин ответил полковнику так: «Опыты храбрости наших войск должны послужить в доказательство царю и всем грузинам, сколь велико для них благополучие быть под щитом российского воинства».

Отношения между Бурнашевым и грузинским двором в целом сложились даже дружеские, причем дружба не мешала ему, как представителю Российского государства быть настойчивым в своих требованиях.

Так, полковник настоял, чтобы Ираклий прекратил все недоразумения, бывшие между ним и имеретинским царем Соломоном. Вскоре Соломон I умер, назначив племянника Ираклия Давида своим наследником. Однако двоюродный брат этого Давида (тоже Давид, но уже под номером вторым) самовольно занял престол и был готов начать гражданскую войну за свое царство. Бурнашеву, однако, удалось восстановить спокойствие в Имеретии и уговорить Ираклия признать законным избрание на имеретинский престол Давида Георгиевича II, хотя грузинский царь выставил кандидатуру внука Давида Арчиловича I. Так что Бурнашеву скучать не приходилось.

Восток всегда почитал силу, посему первые же успехи русского оружия в Кахетии и Картли мир в Закавказье несколько упрочили, хотя и ненадолго. В августе приехавший в Тифлис лазутчик-купец уже рассказывал Бурнашеву:

– В Ахалцихе лезгины и турки собираются еще раз померяться с вами силой и грозятся на этот раз перерезать всех московитов, а затем и грузин.

– Ну, это мы еще посмотрим, кто кого перережет, – качал головой полковник, хотя на душе сразу стало беспокойно.

Не успел Бурнашев обсудить со своими офицерами весть из Ахалциха, как вернулся лазутчик из Дагестана:

– Омар-паша Аварский собирает войско, чтобы попытать счастья в войне с русскими!

– А этот куда лезет? – удивился Бурнашев. – Ведь один урок уже получил?

Царь Ираклий также добавил масла в огонь:

– У меня тревожные вести, что аварский хан готовит вторжение, а ведь у него, по слухам, 15 тысяч воинов.

– Ну, и какая будут у вашего величества оборонительная страатагема?

– Какая еще страатагема! – всплеснул руками грузинский царь. – Положение безвыходное. Пора моим грузинам спасать свои семейства и имущество и прятаться в горах.

– А что намерены делать вы сами?

– О, я запрюсь в Тифлисе и буду молиться за гибель своих врагов.

– Вы, как всегда, весьма мудры, – усмехнулся Бурнашев. – Но я постараюсь все же кое-что предпринять.

Так как войск у Бурнашева было действительно мало, он сосредоточил их в Тифлис, чтобы оттуда в случае необходимости можно было нанести удар в любом направлении.

Одновременно писал Потемкину о помощи. Но помощь так и не пришла. Именно в это время, как назло, восстала Чечня с Кабардой и коммуникации с Россией оказались прерваны. Собрав офицеров, Бурнашев не стал их обнадеживать:

– Господа, мы остались одни среди гор, окруженные безжалостными врагами. На грузин надежды нет, так как при первом ударе они все разбегутся. По всем законам войны мы уже обречены на жертву. Но мы русские, а потому нам на эти законы наплевать. Будем драться, пока сможем держать оружие. Другие мнения будут?

Других мнений у господ офицеров не было.

Тревожные новости не заставили себя ждать, и уже вскоре Бурнашев был извещен, что аварский хан объявился с большим войском в Алазани.

– Что ж, противник сделал первый ход. Теперь ответ за нами! – потер руки полковник. – Мы выступаем навстречу хану на Сигнах.

В тот же день он навестил царя Ираклия, предложив ему совместно атаковать лезгин на переправе через реку.

Но тот лишь покачал головой:

– Боюсь, что мои воины разбегутся по дороге!

– Да, с такими союзниками много не навоеешь, ё-к-л-м-н, – выругался в сердцах Бурнашев, вернувшись с переговоров. – Придется воевать самим.

Спустя несколько дней Омар-хан беспрепятственно перешел реку Алазань и, не обращая никакого внимания на грузинское войско, запершееся в крепости, стремительно двинулся к Тифлису. Едва же Бурнашев двинул свои батальоны ему на пересечку к Авлабарскому мосту, как Омар сменил направление и ринулся в глубь Картли, неся смерть и опустошение. Паника, вызванная им, была столь велика, что грузинская конница, которую Ираклий хотел направить в разведку, отказалась ехать даже за самые большие деньги.

* * *

Тем временем аварский владыка Омар-хан уже подошел к границам Имеретии и обложил Вахань, замок князей Абашидзе, которые едва успели известить об этом русских.

– Бить марш-поход! Выступаем! – распорядился Бурнашев.

Батальоны скорым маршем двинулись на Вахань. В значительном отдалении за ними туда же направилось и грузинское воинство царя Ираклия.

Однако пока союзники шли по горным дорогам, Омар-хан обманом заманил к себе князя Абашидзе якобы на переговоры и, подвергнув жестоким пыткам, заставил сдать замок, после чего безжалостно вырезал всех его обитателей. Узнав об этом, Ираклий тут же развернул войско и удалился в Тифлис. Удивительно, но во всем происшедшем супруга Ираклия царица Дареджан Дадиани (в России ее величали Дарья Георгиевна) объявила виновными русских.

– Вся Грузия лежит в развалинах, чего не было со времен разорения ее Шах-Аббасом! Россия объявила нам свое покровительство, но даже не пытается оказать действенную помощь! – кричала она без всякого стеснения.

Мнение царицы разделяли многие князья. В столице явно зрел антирусский заговор. Теперь находящимся в Тифлисе солдатам и офицерам следовало уже бояться за свои жизни от местных горе-патриотов. Все чаще и чаще по ночам грузины стали исподтишка нападать на наши караулы, подстергать и убивать одиночных солдат. Почти полностью прекратилось и снабжение провиантом.

– А что я могу! – разводил в бессилии руки Ираклий. – Когда не только мое окружение, но и семья настроена против вас и во всех бедах клянут вашу императрицу.

– Что же нам в таком случае делать? – спросил потрясенный беспомощностью царя Бурнашев.

– А что хотите, то и делайте, я умываю руки!

К чести светлейшего князя Потемкина, он нашел способ передать в Тифлис приказ вывести русские войска на пограничную линию. Обратный путь двух русских батальонов был тяжел. Пробивались с боями, уничтожая по пути все ранее построенные Павлом Потемкиным укрепления, дабы враги не могли ими воспользоваться.

Докладывая светлейшему о выводе войск из Грузии, Бурнашев положил перед ним внушительную стопку топографических карт.

– А это что такое? – поднял на полковника глаза удивленный князь.

– А это составленные мною карты Грузии, всех ее дорог, рек и ущелий, чтоб, когда мы вернемся туда, знали, куда и как следовать!

– Поздравляю тебя чином бригадира и назначением командиром карабинерного полка! – тут же принял решение Потемкин.

Между тем началась очередная русско-турецкая война, и российская армия сошлась с превосходящим противником в долинах Дуная.

Мы же попросаемся со Степаном Даниловичем Бурнашевым. В скором времени он станет достойным и верным соратником великого Суворова. Отличится в сражениях при Фокшанах и Рымнике, получит Георгия 3-й степени и чин генерал-майора. Впоследствии Бурнашев будет губернаторствовать в Курске, станет сенатором. Последние двадцать лет проведет вдали

от столичного шума в своем именье – селе Спасском Курской губернии. Из жизни старый воин уйдет в глубокой старости в 1824 году и будет предан земле на местном кладбище. Могила Бурнашева, к сожалению, не сохранится.

Увы, и эта уже вторая попытка России прочно утвердиться в Грузии окончилась неудачей. Однако враги радовались рано, так как набирающая с каждым годом все большую силу империя уже четко определила стратегию своего продвижения на юго-восток, и Закавказье значилось там первым пунктом. Оставалось лишь ждать, когда политическая обстановка на западных границах России позволит ей снова обратить свой взор за Кавказские горы.

Глава четвертая

Между тем большие перемены произошли в Персии, где к власти пробился уже знаменитый нам своим коварством бывший владетель прикаспийских провинций кастрат Ага Мохаммед-хан.

В мирное время большой армии Ага Мохаммед-хан не держал. Зачем попусту тратить деньги? При нем находился лишь корпус телохранителей в двенадцать тысяч человек, набранных из преданных мазендеранских каджаров, а также три тысячи всадников-рабов. Свои отряды телохранителей имел и каждый провинциальный губернатор. В случае войны шах издавал фирман и набирал армию, призывая племенных ханов и властителей провинций мобилизовать набрать нужное количество людей. Это были в основном сельские жители. Пехота была весьма презируема и использовалась как «пушечное мясо» или как вспомогательная сила. Конницу набирали из кочевых племен. Именно конница являлась главной ударной силой армии каджаров. Она прекрасно показывала себя в боях с другими азиатскими властелинами, но против регулярных европейских армий была абсолютно беспомощна.

Жители городов брались за оружие, только если им угрожала неминуемая опасность. Попытки дезертирства жестоко пресекались. Беглецам без всяких разговоров просто выкалывали глаза – беги теперь куда хочешь!

Во главе каджарской армии стоял главнокомандующий-сардар. В особо важных походах командовал сам шах. Вожди племен и властители провинций возглавляли большие отряды. В главе тысячи воинов находился тысячник-минбаши, во главе пяти сотен воинов – паншадбаши, сотней воинов командовал юзбаши, полусотней – панджабаши и десятком – дахбаши. При этом воины вооружались луками, дубинками, копьями, мечами и кинжалами. Ружья тоже имелись, но пользовались ими персы плохо и неохотно. Артиллерию каджарской армии составляли небольшие фальконеты, которые порой устанавливали на вьючных седлах верблюдов. При этом артиллерия была столь несовершенна, что представляла большую опасность для самих артиллеристов, чем для противника. При этом персидская армия была весьма многочисленна и по азиатским понятиям достаточно дисциплинирована.

Как правило, армию набирали весной, летом и осенью воевали, а зимой воинство распускали по домам. Поскольку воевали обычно летом, войска маршировали в основном ночью, с факелами и музыкой. Ночные переходы составляли в среднем шесть фарсангов (около 36 км). Кавалерия шла значительно быстрее. Например, в 1795 году Ага Мохаммед-хан прошел со своей кавалерией из Тегерана в Тифлис за каких-то пятнадцать дней, делая по одиннадцати фарсангов в день.

Находясь в походе, войска жили почти полностью за счет контрибуций и грабежей, через которые они проходили. Если население было дружественным, то шах мог в виде компенсации освободить его на год-другой от налогов. За что воевали воины каджаров? Разумеется, не за величие своей страны и своего шаха, а исключительно за добычу. Каждый мечтал за лето награть как можно больше, чтобы зимой вернуться домой состоятельным человеком.

Став правителем каджаров, Ага Мохаммед сумел объединить разрозненные тюркские племена и немедленно двинул их в карательный поход по всей Персии. Военачальником этот маленький тщедушный кастрат был толковым. Вскоре перед ним пали Исфахан, Шираз и Керман.

– Города падают мне в руки, как перезревшая айва! – смеялся карлик.

Каждый из захваченных городов Ага Мохаммед отдавал на три месяца на разграбление своим воинам.

– Вы честно заслужили испытать радость жизни! – говорил он своим верным каджарам. – Наслаждайтесь и обогащайтесь! Я же буду радоваться за вас!

Надо ли говорить, что после этого в поверженных городах оставались только груды растерзанных трупов и стаи бродячих собак.

Восток всегда отличался жестокостью, но такого ужаса Персия не переживала ни до, ни после. В Кермане на главной площади выкалывали глаза десяткам тысяч мужчин. Вырезанные глаза скидывали в большие плетеные корзины и каждое утро ставили на пороге шахского дворца. Ага Мохаммед, выходя утром на двор после сна, с удовольствием любовался жутким творением рук своих, над которым кружили мириады мух. Он с нежностью брал в руки вырванные глаза и играл ими, как дети играют камушками, перекидывая из рук в руки. Затем карлик шел к сложенной посреди дворцового двора огромной пирамиде. О, эта пирамида была еще страшнее наполненных глазами корзин, так как состояла из тысячи голов плененных врагов. Только налюбовавшись своими жуткими трофеями, Ага Мохаммед отправлялся пить сладкий шербет...

Участь женщин была не менее страшной, чем участь их мужей. Около десяти тысяч девочек и молодых женщин из захваченных городов были отданы на потеху воинам, остальные обращены в рабство. Последнего правителя царствующей династии Зендов Лутф-Али-хана злобный карлик вначале лично ослепил, а затем в течение нескольких дней четвертовал, наслаждаясь душераздирающими воплями поверженного врага.

Зная неистовый нрав Ага Мохаммеда, можно только удивляться и благодарить судьбу, что в свое время он совсем иначе поступил с захваченными в плен российскими морскими офицерами...

Зверски уничтожив всех соперников и превратив страну в руины, Ага Мохаммед-хан заявил:

– Я заботился не о том, чтобы самому утвердиться на престоле, а чтобы возмездием вернуть все потери, понесенные Персией во времена междоусобиц! Поэтому даю обет не принимать титула шаха до тех пор, пока власть моя не будет признана на всех землях персидских!

– О, великий, куда же ты отправишь свой пронзающий взор, прежде всего! – целовали носки его туфель запуганные вельможи.

Ага Мохаммед скривил свое и без того сморщенное лицо, ощерил беззубый рот:

– На Грузию, эту мою законную провинцию, которая посмела заявить о самостоятельности! Клянусь, что я возьму себе титул шаха, пока не овладею Тифлисом!

Ага Мохаммед еще раз оглядел свои страшные корзины и не менее страшную пирамиду:

– Эти грузины даже не знают, что их вскоре ждет!

Когда в апреле 1795 года царю Ираклию стало известно, что в Ардебиле Ага Мохаммед-хан начал собирать войско, он писал начальнику Кавказской линии Гудовичу и своему послу в Петербурге Чавчавадзе с просьбой оказать военную помощь, согласно параграфам Георгиевского трактата.

Однако события начали развиваться столь стремительно, что письма просто не успели дойти до Петербурга. Что же касается Гудовича, то он был опытным царедворцем, причем опальным. Поэтому принимать самостоятельно столь важное решение, как отправку войск в Грузию, без одобрения императрицы он просто не имел права. Однако Гудович был еще и опытным генералом, поэтому понимал, что промедление смерти подобно. Рискнув вновь навлечь на себя монаршее неудовольствие, он после нелегких раздумий все же решился и отправил в Грузию все, что имел тогда под своей рукой – два пехотных батальона во главе с полковником Сырохневым. Но когда-то они еще дойдут до Грузии по перевалам и горным дорогам, окруженные со всех сторон враждебными горцами...

* * *

Ага Мохаммед-хан двинул на покорение Закавказья победоносную 35-тысячную армию, прекрасно вооруженную и снабженную. Такого большого воинства Персия не собирала уже давно. Надо ли говорить, что едва шах с войском вступил в сопредельные Грузии магометанские ханства, то никто не посмел ему противиться. Только владетель Карабаха, хан Ибрагим, наотрез отказался принять послов шаха и, укрепившись в высокогорной Шуше, приготовился к отчаянной обороне.

Некогда принадлежавший Армении Карабах (что в переводе значит «Черный сад») когда-то являлся одной из богатейших и плодороднейших персидских провинций в Закавказье. Однако в 1747 году Карабах отложился от Персии, провозгласив своим повелителем некоего Пана-хана. Так возникло небольшое независимое ханство со столицей в неприступной горной Шуше, упорно отстаивавшее свою самостоятельность.

Еще при Пана-хане в Карабахе вспыхнула междоусобная война между местными татарами и карабахскими армянами, старавшимися выдвинуть в правители одного из своих меликов Атам-Шах-Назарова. В результате Пана-хан вынудил соперника бежать в Гянджу, но при преемнике Пана-хана Ибрагиме тот снова явился в Карабах, и новый хан, чтобы отделаться от опасного претендента, отравил Назарова. С его смертью смута в Карабахе закончилась, и Ибрагим получил возможность заняться устройством ханства.

...Узнав об упрямстве хана Ибрагима, Ага Мохаммед даже не обиделся, а удивился:

– Он что, имеет в запасе десять жизней, чтобы мне перечить?

Подойдя к Шуше, Ага Мохаммед-хан отправил Ибрагиму грозное письмо, которое должно было повергнуть защитников карабахских гор в смятение: «Рок обрушивает камни, ты ж, глупец, стеклом укрылся». Здесь крылась игра слов, т. к. на фарси «шуша» – это стекло.

Прочитав послание, Ибрагим-хан велел написать ответ своему придворному поэту Вагифу. И тот сочинил: «Если тот, в кого я верую, мой Хранитель, то он сохранит и Шушу под мышцей камня». От себя же Ибрагим дописал: «Лучше умереть в бою, чем сдать город евнуху!»

На это Ага Мохаммед уже обиделся.

– Этот глупец решил противиться мне! Я закидаю нагайками своих воинов Шушинское ущелье, а затем насажу его живым на вертел, чтобы потом бросить на поживу диким собакам!

В устах кровожадного Ага Мохаммеда такая перспектива была вовсе не фигурой речи, а жуткой реальностью...

– Узнайте, кто написал столь оскорбительные стихи? – велел Ага Мохаммед.

Вскоре ему доложили:

– Это карабахский поэт и любимец Ибрагим-хана Вагиф.

– Мерзкого пересмешника я казню, как только захвачу Шушу! – объявил Ага Мохаммед.

Тридцать три дня длилась осада Шуши, персы били из пушек, палили из ружей, но, как и предсказал поэт, никакого урона ее защитникам не нанесли, а на штурм, во избежание больших потерь, так и не решились.

В стороне от раскинутого под крепостью ханского шатра располагалась особо охраняемая большая палатка. Там жили французские офицеры-инструкторы, помогавшие Ага Мохаммеду организовать кавалерию, артиллерию и пехоту на европейский манер. Помимо хорошего заработка, французы выполняли здесь задачу, поставленную в Париже, создать в горах Кавказа непреодолимую преграду для продвижения России. Пока Персия и Закавказье не входили в зону приоритетных политических интересов Парижа, но как знать, что будет завтра...

Между тем строптивый Ибрагим был готов обороняться в Шуше хоть до скончания дней. Шушинская крепость была воздвигнута среди отвесных гранитных скал, имеющих лишь один

узкий проход, прорываться сквозь который было бы безумием. И хан Ибрагим, и его карабахцы смеялись над хвастовством Ага Мохаммед-хана:

– Когда же этот получеловек накидает в наши ущелья столько хвороста, чтобы мы могли лучше греться ночами у костров!

* * *

Пока Ага Мохаммед застрял под Шушой, Грузия лихорадочно готовилась к обороне. Надо отдать должное царю Ираклию, в данном случае он поступил мужественно. Отвергнув все ультиматумы персидского шаха и отстранив ненадежных князей, он собрал войско и приготовился к жестокой войне.

Стратегическая ситуация была для Ираклия непростая. Из-за опасности вторжения на Кахетию войск аварского хана Омара, старший сын царя Георгий, с четырьмя тысячами воинов, располагался в Сигнахе, прикрывая Кахетию с востока. Поэтому непосредственно под рукой у Ираклия имелось менее трех тысяч воинов. Однако это были не набранные в селах вчерашние крестьяне, а воинственные и опытные арагвинцы и кизикинцы. Уже после вторжения Ага Мохаммед-хана к Тифлису подошел и царь Имеретии Соломон во главе двух тысяч своих всадников. Вот и все силы, которые смогла набрать Грузия для отражения персидского нашествия. И это против огромного войска Ага Мохаммед-хана!

Пока шла осада Шуши, Ага Мохаммед послал 12-тысячный корпус своего брата Али Кули-хана на Эривань. Но блицкриг «по-персидски» не получился. Царь Ираклий разбил Али Кули-хана еще на подходе на Картсанисской равнине, рассеяв персов одним своим авангардом. Ага Мохаммед был в бешенстве.

– Я лично вспорю брюхо старому нечестивцу своим кинжалом, когда обращу в пепел его города и селенья! – топал он ногами.

Тем временем наивные грузины праздновали победу своего царя так, словно они уже выиграли войну, с обильными застольями, искрометными танцами и многоголосыми песнями. Уверенность в том, что нашествие уже отражено, разделял и сам царь. В кругу сыновей и ближайших князей Ираклий делился своими мыслями:

– Пока карлик не возьмет Шушу, он не пойдет на наше царство, а Шушу он не возьмет никогда!

Увы, Ираклий просчитался. Ага Мохаммед был отличным стратегом и все просчитал. Вскоре в Тифлис примчался на взмыленном коне гонец из Шуши, который сообщил, что Ага Мохаммед-хан, узнав о неудаче под Эриванью, снял осаду Шуши и, обойдя горы Карабаха, со всем войском движется прямо на грузинскую столицу. Кроме этого, персам уже безропотно подчинились Гянджа и Эривань.

Противостояние входило в свою решающую фазу, и судьба Грузии должна была решиться в самое ближайшее время...

* * *

10 сентября 1795 года дозорные принесли в Тифлис тревожную весть, что передовые разьезды Ага Мохаммед-хан находились уже в каких-то семи верстах от Тифлиса.

Надо сказать, что столица Грузии была неплохо укреплена. На крепостных стенах стояли тридцать пять вполне современных пушек. Припасов в городе тоже хватало, и можно было выдержать довольно продолжительную осаду.

Увы, беда была в другом. Среди грузинской знати, по сложившейся традиции, не было никакого единства. Ряд сыновей-царевичей, сидевших в своих вотчинах, откровенно не спешили прийти на помощь престарелому отцу, наивно полагая, что смогут отсидеться и пере-

ждать нашествие по своим углам. В самом же Тифлисе мутила воду царица Дареджан (Дарья) – третья жена Ираклия из менгрельского рода Дадиани. Дареджан была женщиной деятельной и властной, она не только родила царю двадцать три ребенка, но и активно вмешивалась во все государственные дела. При этом Дареджан всегда ненавидела Россию, считая, что под персами или под турками ее подданным почему-то будет жить лучше.

Именно Дареджан распустила слух, будто Ираклий намеревается бежать в горы. После этого в городе начались волнения. Толпы народа, собравшись перед дворцом, на коленях умоляли царя не бросать их на произвол судьбы, обещая биться за него до последнего. Вышедший к народу Ираклий был так растроган, что перед всеми дал клятвенный обет умереть со своим народом.

При этом сама Дареджан почла за лучшее все же покинуть город. Впрочем, у царицы была своя правда. Понимая, что в случае поражения жалости к побежденным не будет, она решила спасти хотя бы часть женщин и детей, спрятав их в неприступном Арагвском ущелье. Однако стремительный отъезд царицы, пусть даже с женщинами и детьми, вызвал в Тифлисе панику. Узнав, что царица их бросила, вначале горожане, а затем и часть воинов также начали покидать город, разбегаясь куда глаза глядят... В результате у Ираклия осталось под рукой не более тысячи князей и воинов-тавадов. И все же он решил не прятаться в Тифлисе, а принять бой перед его стенами.

Приближенные советовали семидесятипятилетнему царю хотя бы самому остаться в Тифлисе, а команду войском поручить одному из царевичей. Но Ираклий был непреклонен:

– Какой же я царь, если брошу в решающем бою своих воинов! Нет, я буду с ними до конца!

Чтобы затруднить противнику подход к городу, Ираклий приказал вырыть перед ним три ряда оборонительных траншей.

– Здесь мы и примем бой! – объявил он всем. – Здесь мы победим или умрем!

Решимость Ираклия сделала свое дело, и большая часть бежавших из города воинов все же вернулась в Тифлис...

* * *

Между тем, запасшись провиантом в Гяндже, Ага Мохаммед расположился в ближайшем к Тифлису селении Соганлуги. Там ему пали в ноги перебежавшие на сторону персов ханы Гянджинский, Шекинский и Эриванский, а также некоторые карабахские мелики, приведшие в знак верности даже свои отряды. Больше всех пресмыкался перед Ага Мохаммедом карабахский мелик армянин Меджлум, еще недавно столь же яростно клявшийся в верности грузинскому царю.

– О, великий потрясатель вселенной! – вопил Меджлум, ползая у ног Ага Мохаммеда. – Позволь мне заслужить твою улыбку и первым ворваться в Тифлис, в котором мне знакомы все улицы. Я устелю тифлисские мостовые головами твоих врагов, по которым будут ступать копыта твоего коня!

– Что ж, – презрительно усмехнулся хан, всегда презиравший изменников. – Твои воины будут наступать первыми! Если ворвешься в Тифлис первым, станешь его хозяином!

Первое столкновение состоялось 10 сентября на Крцанисской равнине. Авангард Меджлума сошелся во встречном бою с грузинским отрядом внука Ираклия Давида. Царевич показал себя хорошим военачальником и пушками буквально разметал вражескую конницу. Самому Меджлуму ядром оторвало голову.

Узнав о смерти карабахского мелика, Ага Мохаммед лишь усмехнулся:

– Собаке собачья и смерть!

Настроение у Ага Мохаммеда было отвратительное. Помня о былых победах царя Ираклия, известие о поражении Меджлума поколебало уверенность хана в легкой победе. Но в первую же ночь кто-то из грузинских князей предал своего царя и сообщил Ага Мохаммеду, что ряды защитников Тифлиса весьма немногочисленны. После этого хан снова приободрился.

На следующий день шел проливной дождь, и Кура вскипела пенными волнами. Ага Мухаммед хмуро обозревал издали тифлиссские стены, понимая, что эту цитадель ему одолеть будет нелегко. Не нравился Ага Мохаммеду и начавшийся ропот среди воинов, что в нынешнем походе уже не будет ни побед, ни добычи. Чтобы заставить их снова быть смелыми, Ага Мохаммед приказал поставить позади боевых порядков шесть тысяч конных туркмен, традиционно ненавидящих персов и столь же традиционно ненавидимых ими. Туркменам хан велел убивать всякого перса, кто побежит с поля боя. При этом хан мог не сомневаться, что те исполнят его приказ с превеликим удовольствием.

После этого персидская армия двинулась к Тифлису, под стенами которого на Крцанисском поле их уже ждало грузинское войско.

Правое крыло войска возглавил царевич Давид, левое – Иоанн Мухранбатони. Сам царь встал в центре. Там же встала и тысяча пришедших имеретинцев князя Церетели. В резерве Ираклий оставил отряды царевича Вахтанга и князя Отара Амилахвари, укомплектованные отборными воинами из провинций Птавов и Хевсу. Царь Соломон с еще одним имеретинским отрядом занял позицию непосредственно у стен Тифлиса, чтобы при надобности помочь артиллеристам. Передовой отряд грузин под начальством царевича Иоанна занял позицию у Южных ворот Тифлиса.

Увы, далеко не все сыновья Ираклия пришли к нему на помощь со своими отрядами. Как знать, если бы они были в тот решающий день на Крцанисской равнине, возможно, и история Грузии сложилась бы совершенно иначе. Но единства в большом семействе Ираклия не было никогда...

Глава пятая

И сражение за Тифлис началось! Первым принял на себя удар персов авангард храброго царевича Иоанна. Несколько часов он в одиночку отчаянно отбивал все атаки противника. Дело в том, что, прощупывая оборону грузин, Ага Мохаммед вводил в бой свои силы постепенно. И в узких теснинах скал на подступах к Тифлису грузинские стрелки на выбор расстреливали скученных персов. Поняв, что по узким ущельям к Тифлису ему не пробиться, Ага Мохаммед развернул своего коня и, подавая пример воинам, прыгнул вместе с ним в ревущую Куру, чтобы переплыть на противоположный берег. Тысячи всадников бросились вслед за ним. Несколько сотен из них сразу же погибли в полноводной реке, но остальные все же переплыли. Благополучно достиг противоположного берега и сам Ага Мохаммед.

В тот момент, когда персы скопом начали переправу через Куру, по ним всеми силами ударил отряд царевича Вахтанга, укомплектованный отборными воинами – хевсурами, арагвинцами, кизикинцами и пшавами. Почти одновременно подоспел и отряд поэта и воина князя Мочабелова. Взяв в руки чунгур, Мочабелов пропел перед войском несколько вдохновенных строк своей героической песни, после чего кинулся вперед с такой стремительностью, что его воины прорубили коридор до самых персидских знамен, причем несколько из них пришлось останавливать телохранителям потрясенного такой отвагой Мохаммед-хана.

Казалось, что вопреки всему чаша весов медленно, но неотвратно склоняется на грузинскую сторону. Прижатые к берегу полноводной Куры, вымотанные персы едва сдерживали их яростные атаки. Надо отдать должное злобному кастрату, в данном случае он по достоинству оценил доблесть грузин.

– Я не помню, чтобы когда-нибудь враги мои сражались с таким мужеством! – заявил он своей свите.

В этот момент ядро перебило пополам ханского коня, и Ага Мохаммед оказался в луже, перепачканный кровью и грязью, но невредимый. Придя в себя, хан велел ввести в бой отборную мазендеранскую пехоту, которую берег как последний стратегический резерв. Увидев это, Ираклий бросил в пекло схватки и свои последние жалкие резервы. Отчаянная схватка, а по сути самая настоящая резня, продолжалась с утра до позднего вечера. Три раза персы были отброшены от стен Тифлиса, и три раза они возобновляли приступ, пока, наконец, окончательно не сломили грузин, заставив их начать общий отход.

Увидев это, Ираклий вознегодовал. Выхватив саблю, он сам было решил возглавить последнюю контратаку, чтобы увлечь воинов, но был насильно удержан сыновьями и внуками.

– Каждый из твоих подданных знает твою храбрость и знает, что ты готов умереть за Отечество, – заявили они ему, – но если судьба уже изменила нам, то не увеличивай своей гибелью торжество неприятеля.

Царь все еще не оставлял надежды вырваться от свиты, чтобы кинуться на врага, но персы уже зашли в тыл грузинскому войску, занимая дороги, ведущие в город, грозя полным окружением и неминуемым последующим истреблением. Надо было спасать хотя бы то, что еще осталось.

И все же Ираклий, вырвавшись, с отчаянием бросился в самое пекло боя и неминуемо бы погиб, если бы внук Иоанн не спас деда. С криком: «Царь Ираклий в опасности!» – царевич кинулся на противника с тремя сотнями преданных ему конных воинов и буквально вырвал царя почти из рук персидских воинов, которые уже стаскивали Ираклия с коня.

После этого царя Ираклия увезли с поля боя. Несмотря на это, грузины сопротивления не прекратили, и царевич Давид еще долго удерживал персов в кривых и тесных улицах предместья. До конца дрались у своих пушек и грузинские артиллеристы. Начальника артиллерии князя Гурамишвили зарубили прямо на его пушке. Только тогда, когда стало оконча-

тельно ясно, что толпы персов уже почти заняли покинутый царем город, царевич Давид вывел остатки своего арьергарда на север, чтобы укрыться в горах.

Впрочем, уйти удалось не всем. Триста воинов-арагвинцев были окружены у скал и пали в этом последнем бою. Из пятитысячного грузинского войска уйти в горы во главе с царем смогли немного более полутора сотен израненных воинов. Это был настоящий разгром, но главное было даже не в этом. Теперь перед Ага Мохаммедом лежала беззащитная грузинская столица, с которой он мог делать все, что только могло пожелать его жестокое сердце. Впрочем, и Ага Мохаммеду победа далась очень большой ценой. Под стенами Тифлиса он положил половину войска, а ведь война была еще далеко не окончена.

* * *

Персидские войска преследовали бежавших грузин до самого Мцхета, в котором захватчики не оставили камня на камне. Остался только старинный христианский собор. Персы сожгли бы и его, но вступился хан Нахичеванский:

– Не следует осквернять святыни и гробы царей, даже если мы торжествуем свою победу! И его послушали.

Судьба Тифлиса была ужасной – древний город со всеми его дворцами и великолепными храмами был превращен в груды развалин. Ага Мохаммед снова проявил себя как капризный и жестокосердный правитель. Так, вначале он велел не трогать знаменитые тифлисские минеральные бани и даже искупался в них, надеясь получить исцеление от своего недуга, т. к. какой-то умник нашептал хану, что они помогут вернуть мужскую силу. Разумеется, что никакие бани не могли сделать кастрата мужчиной. Не получив желаемого, разгневанный Ага Мохаммед приказал снести древние бани до основания.

Разумеется, что даже при массовом исходе жителей Тифлис покинули далеко не все. Очень скоро оставшиеся горько пожалели, что вовремя не бежали в горы, ибо участь их была ужасна.

При этом Ага Мохаммед, по своему обыкновению, был щедр к своим воинам:

– Отдаю вам город на неделю. Покажите неверным грузинам то, что их ожидает в Судный день!

После таких слов расправа с жителями грузинской столицы была самой беспощадной. Что говорить об обычных обывателях, когда был зверски убит тифлисский митрополит. В надежде пережить неистовства персов он с духовенством заперся в Сионском соборе, но персы выломали двери, сожгли иконостас, перерезали священников, а самого старого митрополита сбросили в Куру с террасы его собственного дома. Поставив на Авлабарском мосту икону Иверской Богоматери, персы заставили грузин плевать в нее, упорствующих сразу же бросали в Куру. Не пожелавших стать вероотступниками было столько, что река скоро запрудилась трупами. Зверски был убит знаменитый сазандарь (певец) Грузии Саят-Нова. Восемидесятилетнего старца зарубили на пороге церкви, где он встретил захватчиков с крестом в руках.

Шесть дней город оглашался воплями терзаемых и убиваемых. При этом если мужчин убивали сразу на месте, то женщин перед этим насиловали, грудных младенцев перерубали пополам с одного размаха, хвалясь остротой сабель. Более двадцати тысяч юношей и девушек было уведено в рабство. В ту пору на невольничьем рынке Анапы грузинскую девочку можно было купить по цене барана.

* * *

Сам Ираклий, бежав в Ананури, погрузился в долгую печаль, целыми днями в одиночестве молча глядя в угол монастырской кельи.

Существует трогательный рассказ о пребывании царя Ираклия в полуразрушенном старинном Ананурском монастыре, когда разбитый и всеми покинутый, он должен был искать в нем убежища: «В ветхой келье, стоявшей в углу монастырской ограды, можно было видеть старика, сидевшего лицом к стене и покрытого простым овчинным тулупом. Это был царь Грузии Ираклий II – некогда гроза всего Закавказья. Подле него находился старый слуга-армянин.

– Кто там сидит в углу? – спрашивали проходившие люди.

– Тот, которого ты видишь, – со вздохом отвечал армянин, – был некогда в большой славе, и имя его уважалось во всей Азии. Он был лучшим правителем своего народа, но старость лишила его сил и положила всему конец и преграду. Чтобы отвлечь раздоры и междоусобия в семействе, могущие последовать после его смерти, он думал сделать последнее добро своему народу и разделил свое царство между сыновьями. Несчастный Ираклий ошибся. Ага Мохаммед, бывший евнухом Кули-хана, Надир-шаха, в то время когда Ираклий носил звание военачальника Персии, пришел теперь победить его немощную старость. Собственные дети отказались ему помочь и спасти Отечество, потому что их было много и всякий из них думал, что будет стараться не для себя, а для другого. Царь Грузии принужден был прибегнуть за помощью к царю Имеретии, но если ты был в Тифлисе, то видел весь позор, какой представляло там имеретинское войско. Ираклий с горстью людей сражался против ста тысяч и лишился престола оттого, что был оставлен без жалости своими детьми. И кому же на жертву? Евнуху, человеку, который прежде раболепствовал перед ним. Померкла долголетняя слава его, столица обращена в развалины, а благоденствие народа – в погибель. Вот под этой стеной видишь ты укрывающегося от всех людей славного царя Грузии без помощи и покрытого только овчиной. Царедворцы и все находившиеся при нем ближние его, которых он покоил и питал на лоне своем во всем изобилии, оставили его; ни один из них не последовал за своим владыкой, кроме меня, самого последнего его армянина.

Впоследствии после ухода Ага Мохаммеда из Грузии царь Ираклий перебрался в Телави, бывший его любимым местопребыванием после Тифлиса.

– Я хочу закончить здесь остаток своих дней, так как не имею сил смотреть на пепелище Тифлиса! – заявил он детям и внукам.

Спустя три года царя Ираклия не стало...

Что касается Ага Мохаммеда, то его войска дошли до Гори, но в сам город так и не вошли. Местное ополчение дало персам бой на горе Квернаки, к востоку от Гори, и заставили противника отступить. Больше Ага Мохаммед на Гори не покушался.

Между тем два русских батальона, высланные с Кавказской линии Гудовичем, под командой полковника Сырохнева уже вступили на землю Грузии. Весть о том, что русские уже перешли горы, заставила Ага Мохаммеда спешно уйти из Грузии в Муганскую степь на зимовку. Начинать большую войну с Россией персидский хан все же не решился. Что касается Сырохнева, то ввиду малочисленности своего отряда до Тифлиса он тоже не дошел, а остановился в Душете.

* * *

Разгромив Грузинское царство, Ага Мохаммед с триумфом вернулся в Персию. Придворные убеждали хана возложить на себя корону Ирана.

– Что ж, – наконец согласился Ага Мохаммед. – Я свою клятву исполнил и вернул мятежную Грузию в лоно державы, так что теперь я действительно достоин шахской короны.

Приказав собрать всех военачальников и вельмож, Ага Мохаммед вышел к ним, держа долгожданную корону в руках.

– Так вы желаете, чтобы я возложил ее на себя? – еще раз спросил он.

– Да! – в едином порыве подвострастия закричали собравшиеся.

– Предупреждаю, что вместе с моей коронацией ваши настоящие труды только начнутся. Я никогда не соглашусь носить эту корону, если с ней не будет сопряжено владычество, какое еще не имел ни один из персидских монархов.

– Да! – кричали военачальники и вельможи. – Властвуй нами, о великий из великих!

И Ага Мохаммед короновался.

При этом он отказался надеть драгоценную корону, некогда принадлежавшую ненавистному Надир-шаху, на которой четыре алмазных пера (челенги) знаменовали собой четыре покоренные Надир-шахом царства: Афганское, Индийское, Татарское и Персидское. Ага Мохаммед возложил на себя только маленькую диадему, украшенную перлами, и опоясался царским мечом, хранившимся на гробе мусульманского святого, родоначальника дома Софиев в Ардебиле. Туда за священным оружием обязаны были отправляться все персидские шахи. Они клали меч в гробницу и целую ночь молили святого, чтобы он благоволил к монарху, который будет носить его меч. Наутро шах опоясывается им, ополчаясь, таким образом, на защиту шиитской веры.

После коронации Ага Мохаммед-шах немедленно предпринял поход на мятежный Хорасан, где ханствовал в то время Надир-мирза, правнук все того же ненавистного для Ага Мохаммеда Надир-шаха.

Дело в том, что правитель Хорасана всегда обладал в Персии особым влиянием, так как эта провинция была главной житницей Персии, но жить в Хорасане было страшно. Все деревни там строились как крепости-калу, огражденные со всех сторон высокими глинобитными стенами. Завидев незнакомых всадников, крестьяне стрелглав бежали туда со своих полей и, закрыв ворота, занимали круговую оборону. И все равно каждый год разбойничьи шайки туркменов не оставались там без наживы, похищая людей и торгуя затем ими на невольничьих рынках в Хиве и Бухаре.

Поводом для нынешнего похода в Хорасан стали драгоценности покойного Надир-шаха. Дело в том, что после его смерти все огромное количество его драгоценностей попало в руки родственников шаха, в том числе и к слепому отцу Хорасанского хана Надир-мирзы. Ага Мохаммед, разумеется, потребовал возвращения драгоценностей, объявив преступником всякого, у кого он их найдет. Но никто отдавать ему золото и алмазы и не собирался. Поэтому, следуя с войском на Хорасан, Ага Мохаммед собирался наказать главного из ослушников, отказавшегося возвратить шахской казне надлежавшие ей драгоценности. Надир-мирза бежал, велел своему престарелому и слепому отцу, Шах-Року, без сопротивления сдать город повелителю Персии. Старого слепца вывели навстречу Ага Мохаммеду, и он заявил о своей покорности. Но Ага Мохаммед не знал сострадания ни к старым, ни к слепым. Под пытками Шах-Рок начал указывать места, где были спрятаны сокровища – в стенах дворца и колодцах.

Когда же ему начали лить на голову растопленный свинец, он указал и необыкновенной величины и красоты рубин, некогда бывший в короне, которого особенно домогался Ага Мохаммед. Покончив со старым слепцом, шах Персии приказал разрушить гробницу ненавистного ему Надир-шаха, окованную изнутри чистым золотом. Все найденные в ней богатства он забрал в казну, а кости самого Надир-шаха приказал зарыть под крыльцом своего дворца в Тегеране.

– Когда я попираю этот прах моими ногами, – заявил он, – раны моего сердца заметно облегчаются.

Там же в Хорасане Ага Мохаммеда настигло тревожное известие, что Россия решила отомстить за разорение Тифлиса и убийство тысяч невинных христиан... Понимая, что дело плохо, он, загоняя лошадей, помчался к своему войску, все еще стоявшему в Мунгарской степи у западного берега Каспия, чтобы на месте понять, что же собираются делать русские столь далеко от своих границ и чем ему это грозит.

Часть вторая

Британский лев против майсурского тигра

Глава первая

К середине 60-х годов XVIII века англичане укрепились в Индии уже основательно. К этому времени они подчинили себе не только большую часть приморских районов, но и большую часть Индостана, включая огромную Бенгалию. При этом были сломлены и главные конкуренты – французы. Им было оставлено несколько мелких разрозненных факторий, но это являлось лишь снисходительностью победителя над побежденным, не более того.

Но Индия была все же слишком велика и до полного ее завоевания англичанам было еще далеко. Поэтому Индостан продолжало трясти от нескончаемых войн.

К этому времени акции Ост-Индской компании поднялись до 263 фунтов стерлингов за штуку, а дивиденды выплачивались из 12,5 %. По тем временам это были огромные цифры! Впрочем, не все в Британской Ост-Индской компании было столь безоблачно. Сверхвысокие прибыли немедленно привлекли внимание английских министров. Возмущение их понять было легко – в стране масса проблем, а одна-единственная компания (пусть и весьма уважаемая) буквально бесится от жиру.

Поэтому руководству компании недвусмысленно намекнули, что пришла пора делиться нагребленным. А когда главные акционеры начали возмущаться, им деликатно напомнили, что все территориальные завоевания компании стали возможными исключительно при поддержке английского флота и армии. Кроме этого, господам акционерам напомнили, что ни один британский подданный не может обладать верховной властью над какой-либо территорией независимо от короны. Короче говоря, вопрос был поставлен предельно жестко – или делитесь, или будете упразднены. Выхода в данной ситуации у ост-индийцев не было, и в 1767 году правительство Англии и руководство компании заключило соглашение, согласно которому компания обязывалась ежегодно вносить в казну 400 тысяч фунтов стерлингов. Впрочем, руководители компании фактически ничего государству так и не заплатили, так как сами обратились к парламенту за... финансовой поддержкой. Такая наглость грозила большими неприятностями, но именно в этот момент начался мятеж колонистов в Северной Америке, что грозило огромными колониальными потерями. На этом фоне Ост-Индская компания оставалась островом стабильности. Ослабление или вообще исчезновение компании в таких условиях стало бы национальной катастрофой. Поэтому последовали компромиссные соглашения, в результате которых «ост-индийцы» фактически вернули себе все былые привилегии под зубовой скрежет государственных мужей.

Отбиваясь от собственного правительства, Ост-Индская компания одновременно как только могла усиливала свою экспансию. Обычной прибыли британским купцам было уже мало, они мечтали о сверхприбыли. Разумеется, заполучить это обычной торговлей было невозможно – следовало захватывать индийские княжества, а уж затем выжимать из них последние соки... Поэтому именно в 60-х годах XVIII века начинается планомерный захват новых территорий и покорение новых народов.

Что же происходило в это время в Индостане? Из последних сил пыталась сохранять хотя бы формальную независимость еще недавно великая империя Великих Моголов. Правил этим осколком былого величия толковый правитель и талантливый поэт Шах Алам II, рожденный как Али Гохар, сын Аламгира II – шестнадцатый по счету император Великих Моголов. Увы, помимо пышного титула, у наследника некогда огромной империи не было уже почти ничего.

Реальная власть Шаха Алама была настолько низведена, что в ту пору в Индии ходила поговорка: «Империя Шах Алама простирается от Дели до Палама». Если что, то селение Палам являлось пригородом Дели.

Остатки империи терзали со всех сторон. Из Афганистана то и дело вторгался эмир Ахмед Шах Абдали. В самом Дели всем заправляли англичане. О своем суверенитете заявляли маратхи, создавшие собственное государство на землях современного индийского штата Махараштра. Теперь все воевали со всеми: и моголы, и афганцы, и маратхи. В 1761 году маратхские властители, потерпев сокрушительное поражение под Панипато от афганских войск Ахмед-Шаха Дуррани, принялись добивать остатки империи моголов – захватили Дели, часть Раджастхана и Пенджаба. Всем этим, разумеется, умело воспользовалась Британская Ост-Индская компания, которая непрерывно интриговала, подкупала и стравливала всех против всех. Местным купцам было воспрещено заниматься внешней торговлей, так как англичане присвоили себе монопольное право на нее. Сотни тысяч бенгальских ремесленников оказались прикреплены к факториям Ост-Индской компании, куда им надлежало сдавать свою продукцию, причем им за это часто вообще не платили. В 1762 году высшие служащие компании образовали общество для монопольной торговли солью, бетелем и табаком в Бенгалии, Бихаре и Ориссе. Отныне крестьяне были обязаны сдавать им товары по заведомо низкой цене. Это вело к разорению как индийских землевладельцев, так и крестьян с ремесленниками.

И все же индусы еще находили в себе силы и волю время от времени объединяться против англичан, сопротивляясь их ползучей экспансии. Так, одно из самых крупных восстаний начал правитель-наваб Бенгалии Мир Кассим, который вместе с недовольными князьями и падишахом Шахом Аламом II поднял знамя освободительной борьбы. Впервые за много лет враждующие индийские правители торжественно декларировали, что объединяются ради общей цели – положить конец английскому владычеству. Увы, в реальности все преследовали, прежде всего, собственные интересы и с трудом находили общий язык между собой.

Решающее сражение между союзными силами индусов и англичанами произошло 22 октября 1764 года рядом с небольшим городком Буксаром на берегу Ганга. Объединенные войска наваба Бенгалии Мир Кассима, Шуджа-уд-Даула, раджи Балванта Сингха из Каши и императора Великих Моголов Шаха Алама II привели к Буксару более 40 тысяч воинов. Армия Ост-Индской компании насчитывала немногим более семи тысяч человек, из которых самих англичан было менее тысячи. Увы, общего командования у союзников не было, и каждый предводитель действовал так, как считал нужным, не слишком считаясь с общими интересами. Разумеется, что ничем хорошим это закончиться не могло.

Армией компании командовал майор Гектор Манро. Выходец из бедной семьи, он начал свою карьеру простым солдатом. Карьере Манро помог случай. Будучи однажды в Лондоне, Манро увидел, как пьяный кучер одной из карет свалился на мостовую. Недолго думая, Манро взобрался на козлы и довез пассажирку, куда той было надо. Пассажиркой оказалась весьма влиятельная герцогиня Гордон. Благодарная за помощь, а также впечатленная молодостью и статью бравого солдата, герцогиня купила Манро патент на чин лейтенанта Камберлендского полка. В скором времени Манро отличился, командуя драгунским эскадром, в подавлении мятежа якобитов. В 1759 году Манро был назначен капитаном в Хайлендский полк и убыл в Индию. Там он скоро прославился необузданной жестокостью, казнив десятки восставших сипаев, за что получил чин майора. Так как у компании было очень мало старших офицеров, именно Манро и был назначен командовать армией, направленной против мятежных моголов.

...Первым на рассвете 22 октября начал атаку на англичан командовавший правым крылом армии Великих Моголов мирза Наджаф-хан. Но моголы сразу же наткнулись на дружный и меткий огонь британских солдат, стоявших в линейных порядках. Понеся существенные потери, мирза Наджаф-хан отошел. После этого позиции британцев атаковала конница, но также безрезультатно.

Все дальнейшие разрозненные попытки индусов атаковать англичан были столь же неудачны. Всякий раз нападавшие отступали, неся большие потери. А затем случилось невероятное. У союзников один за другим взорвались три склада с боеприпасами. До сих пор в точности неизвестно, что произошло – диверсия или вопиющая халатность. Грохот взрывов, большое количество растерзанных трупов, вопли раненых в одно мгновение деморализовали огромное войско. В войсках союзников начался полный хаос. Никто никем больше не командовал, и каждый был отныне предоставлен самому себе. Этим немедленно воспользовались англичане, перейдя после полудня в решительное наступление. После этого в рядах союзников началась самая настоящая паника. Первым побежал с поля боя великий визирь Шуджа-уд-Даула, который в довершение всего взорвал за собой мост через реку, лишив тем самым своего союзника Шаха Алам II возможности воспользоваться тем же. Следом за Шуджой-уд-Даулом бежал Мир Кассим, который прихватил с собой и общую казну союзников с тремя миллионами рупий. Впрочем, среди всеобщего хаоса нашлись и те, кто до конца исполнил свой долг. Так, полководец моголов мирза Наджаф-хан смог навести новую переправу и вполне организованно отвести свои войска.

Что касается майора Манро, то, оставив без внимания всех остальных противников, он сосредоточился на преследовании бежавших моголов, полагая, что именно их поражение будет иметь наибольшее значение.

Английский историк Джон Уильям Фортескью утверждал, что британские потери составили 847 человек: 39 убитыми и 64 ранеными из европейских полков и 250 убитыми, 435 ранеными и 85 пропавшими без вести сипаев Ост-Индской компании. Потери индусов он оценивал в две тысячи человек убитых и несколько тысяч раненых. Победители захватили 133 артиллерийских орудия и более миллиона рупий наличными.

Сразу после битвы Манро двинулся на соединение с маратхами, которые, воспользовавшись подходящим моментом, горели желанием рассчитаться за былые обиды с моголами.

После победы майор Манро получил благодарственное письмо от совета компании из Калькутты: «Знаменательная победа, которую вы одержали, чтобы одним ударом полностью разбить замыслы врага против этих провинций – это событие, которое делает так много чести вам, сэр, в частности, и всем офицерам, и людям под вашим командованием. Ваша блистательная победа дает столь огромные преимущества для компании, что мы выражаем вам нашу искреннюю благодарность». За победу Манро получил чин подполковника и серьезную денежную премию.

Впрочем, ему доложили, что Шах Алам проклял его и всех его сыновей какой-то древней индийской мантрой. Манро к этому отнесся иронично:

– Что еще остается несчастному шаху, кроме как выдумывать всякую чушь, пусть утешится хоть этим!

Увы, смеялся Манро над древним проклятьем слишком рано...

* * *

Вскоре после битвы при Буксаре в 1765 году Шах Алам II подписал с командующим английскими войсками в Индии генералом Робертом Клайвом униженный Аллахабадский договор и предоставил Дивани (право на сбор доходов) на всей своей территории Британской Ост-Индской компании, в обмен на ежегодную пенсию в размере 2,6 миллиона рупий, которую компания будет выплачивать из собранных доходов. Отныне компания уже не выплачивала налоги (пусть даже формальные!) индийским правителям, а взимала их сама более с чем 20 миллионов индийцев.

Победа при Буксаре позволила англичанам избавиться и от трех последних отпрысков могольской власти в Верхней Индии. Мир Кассим сгинул в нищей безвестности, Шах Алам

признал поражение и был лишен всякой власти, а Шуджа-уд-Даул, преследуемый победителями, бежал далеко на запад, где спустя некоторое время сдался на милость победителей.

По условиям Аллахабадского договора в управление Ост-Индской компании переходила территория площадью около 400 тысяч квадратных миль на востоке Индии (Орисса, Бихар, Западная Бенгалия, Джаркханд, Уттар-Прадеш и часть нынешней Бангладеш). Тем самым Ост-Индская компания, прежде действовавшая в Индии через марионеточного наваба Бенгалии, становилась самостоятельной крупнейшей политической силой Южной Азии. Так, в руки англичан попала богатейшая Бенгалия – настоящая жемчужина могольской короны, включая священный город индусов Варанаси. Отныне вся долина Ганга и миллионы проживавших там индусов стали собственностью Британской Ост-Индской компании. Теперь уже никто не мешал англичанам выжимать из огромной колонии все, на что была только способна фантазия чиновников. Отныне англичане начали вывозить из Индии ценностей и товаров на сумму более миллиарда фунтов стерлингов, все равно продолжая и дальше грабить население. При этом англичане обычно отдавали сбор налогов в Бенгалии на краткосрочный откуп – служащим компании и ростовщикам, помощь же сборщикам оказывали солдаты. Во время сбора налогов применялись изощренные пытки, жертвами которых были и женщины, и дети. Из речи Эдмунда Берка в палате общин: «Детей засекали до смерти в присутствии родителей. Отца связывали с сыном лицом к лицу и подвергали порке так, что удар, если не приходился на отца, то падал на сына. Крестьяне забрасывали поля. Они бежали бы все до одного, если бы не отряды солдат на дорогах, которые хватили этих несчастных».

Ситуация в Бенгалии была ужасной. Крестьяне продавали весь свой скот, орудия труда, от голода ели семенное зерно, они продавали своих сыновей и дочерей в тщетной надежде спастись, но покупателей не находилось. В Бенгалии не было даже травы – всю съели животные и люди. Затем начался каннибализм...

Вот как происходящее описывал чиновник Британской Ост-Индской компании Джон Шор: «Постоянно всплывают у меня в памяти сцены, где я вижу высушенные до костей руки и ноги людей, глубоко запавшие глаза, и безжизненный оттенок вселенского отчаяния в них. В ушах раздается вопль матери, затихающие крики умирающего младенца, стоны агонии людской повсюду. В диком замешательстве природа – вопли шакала, крики стервятников, собака, упавшая и воющая на раскаленной дороге».

Немыслимые поборы и ужасающая нищета уже через несколько лет привели к массовому голоду в Бенгалии, от которого умерло от семи до десяти миллионов человек. Впрочем, такая мелочь никого в Англии особо не волновала... Управляющий Бенгалией Уоррен Гастингс занимался в то время делами куда более важными: менял систему управления, создавал полицию, увеличил налогообложение, которое шло на содержание местного войска. Деятельность Гастингса никого не спасла, зато существенно увеличила прибыль компании.

Вообще «Разграбление Бенгалии» после битвы при Плесси стало официальным термином исторической науки. В одном только Муршидабаде английские солдаты награбили на 3 миллиона фунта стерлингов. А расхищение государственной казны Бенгалии принесло англичанам 5 миллионов 260 тысяч фунтов стерлингов. Отбирая товары или скупая их по произвольно установленным ценам, а также навязывая местному населению ненужные залежалые товары, служащие Ост-Индской компании только с 1757 по 1780 год нажили в Бенгалии 5 миллионов фунтов стерлингов. Чистый доход корпорации в Бенгалии вырос с 14,946 миллиона рупий в 1765 году до 30 миллионов рупий в год в 1776–1777 годах. Даже у солдат ранцы оказывались набиты драгоценными камнями, а за бутылку вина маркитантки требовали слиток золота.

Что касается главного героя битвы при Буксаре майора Манро, то впоследствии он вернулся в Англию, стал членом парламента и одним из ведущих акционеров компании. Однако банк, в который он вложил свои сбережения, потерпел крах во время финансового кризиса

1772 года. Чтобы поправить финансовое положение, Манро снова отправился в Индию, где принял командование над мадрасской армией компании. В 1788 году он захватил у французов их главную колонию Пондишери, но во время англо-майсурской войны 1780 года действовал уже не столь успешно и был снят с должности, после чего вернулся в Англию. В 1787 году в память былых заслуг Манро был дан чин полковника Хайлендского полка, а позднее и генерала. Умер победитель в 1805 году.

Следует отметить, что проклятье шаха Великих Моголов о том, что Индия отомстит потомкам Манро, полностью сбылось. Несчастный отец пережил всех своих сыновей. Старший сын Манро – Сазерленд остался в памяти исключительно из-за своей жуткой смерти. По примеру отца молодой кадет Манро отправился за славой в Индию, но во время воскресной охоты в Бенгалии был растерзан тигром. Еще один сын Хью Манро умер на судне по пути из Индии от подхваченной там лихорадки. Третий сын – Александр был съеден акулой во время купания на пляже в Бомбее, а младшего из сыновей убили в Индии при неизвестных обстоятельствах...

Вспоминал ли отец, получая известие о гибели очередного сына, проклятье последнего Великого Могола, мы не знаем. Известно другое, когда сам Манро умирал в жутких мученьях от рака в 1805 году, в редкие минуты просветления рассудка он кричал:

– Проклятый Алам, верни моих сыновей и забери мою жизнь!

Увы, никто ему сыновей не вернул и сам он через несколько дней ушел вслед за ними.

* * *

Между тем аппетиты англичан в Индии продолжали расти. Захватив и переварив Бенгалию, председатели Британской Ост-Индской компании устремили свой хищный взгляд на следующую жертву – Майсурское княжество, расположенное в юго-западной оконечности полуострова Индостан. Княжество Майсур занимало стратегически выгодное положение, позволяющее контролировать всю Южную Индию. При этом само оно располагалось на труднодоступных плато между горами Западными и Восточными Гатами. На протяжении нескольких веков княжеством правила династия Водейяров, пока в 1755 году очередной малолетний махараджа попал под контроль своего главного министра и регента Хайдера Али.

В дальнейшем Хайдер Али станет самым серьезным врагом Британской Ост-Индской компании за всю историю покорения ею Индии, поэтому познакомимся с ним поближе.

Итак, выходец из арабского клана Бани Хашим племени Курайш Хайдер родился в 1720 году на юго-западе Индии в Коларе. Начав службу простым наиком (десятником), Хайдер проявил храбрость, снискавшую ему всеобщее уважение, а также настойчивость, дипломатический талант, а также умение с помощью интриг устранять противников. Он отличился в ряде сражений во время межплеменных Карнатических войн, чем привлек к себе внимание тогдашних правителей Майсура, получив через некоторое время должность далавайи (главнокомандующего). После восхождения на трон несовершеннолетнего махараджа Кришнараджи Водейяра II в результате удачной дворцовой интриги Хайдер стал его регентом. А в 1761 году он стал де-факто правителем Майсура с титулом сарвадикари (главного министра). Несмотря на неграмотность, Хайдер Али обладал феноменальной памятью и проницательностью, был талантлив и как полководец, и как правитель. При этом он всем сердцем ненавидел англичан. О причинах его ненависти можно только догадываться. Затем Хайдер Али начал череду Мисорейских войн против племени наров с Малабара (западное побережье Индии). После их разгрома Хайдер Али был награжден должностью джагира (правителя Бангалора). В 1758 году Хайдер Али, воюя с маратхами, заставил их снять осаду Бангалора. К 1759 году Хайдер Али командовал уже всей майсурской армией. Молодой раджа Кришнараджа наградил его почетными титулами победителя – Фатх-Хайдер-Бахадур и Наваб-Хайдер Али-хан.

Как это часто бывает, через некоторое время регент сам захотел править страной и быстро прибрал власть к своим рукам. Вслед за этим один за другим были убиты два махараджи, причем оба незадолго до достижения своего совершеннолетия, когда должны были принять полную власть... После этого княжеская семья была фактически посажена под арест и появлялась на публике только на ежегодном празднике Дассара. Впрочем, жестокость регента была оправдана. Именно время правления Хайдера Али стало пиком могущества княжества Майсура. Приведя в порядок с помощью французов армию, самопровозглашенный правитель совершил несколько удачных походов против соседних северных княжеств, значительно расширив и укрепив мощь собственного. Приобретениями Хайдера Али стали отбитый у маратхов город Сира и княжество Беднор.

Приняв титул хана Бахадура и правителя Беднора, регент начал выпускать собственную монету, установил единую систему мер и весов. В отличие от подавляющего большинства индийских князей, Хайдер весьма благосклонно относился к христианам в португальском Мангалоре, благоволил и к католическим миссионерам. Как всякий уважающий себя мусульманин, Хайдер имел несколько жен. Второй его женой была Фахр-ун-нисса, мать его любимого сына Типу. Помимо этого, у владетеля Майсурского княжества всегда хватало и наложниц.

Британский историк Д. Бауринг написал о Хайдере Али так: «Он был смелым, оригинальным и предприимчивым полководцем, искусным в тактике, умело распоряжавшимся ресурсами, полным энергии и никогда не унывающим даже во времена поражений. Он был всегда верен своим обязательствам и прямолинеен в своей политике по отношению к англичанам... Его имя всегда упоминается в Майсуре с уважением, если не с восхищением».

Довольно быстро Майсур стал самым богатым княжеством Индии. Вскоре Хайдер Али перенес свою столицу из города Майсур в Серингапатам, которая находилась всего в 7 милях от Майсура. При этом расположена новая столица была чрезвычайно выгодна. Весь город был окружен рекой Кавери, образуя речной остров. Над городом возвышалась гора со знаменитым храмом Ранганатхасвами, одним из самых важных вайшнавических центров паломничества в Южной Индии. Вокруг города была выстроена мощная крепостная стена с еще более мощными башнями. У крепостных стен никогда не стихал шум и гам – там расположился один из самых богатых рынков Индии.

Наведя порядок в своем княжестве, Хайдер Али задумался о расширении его границ.

В середине XVIII века на юге Индии властвовали маратхи, несколько осколков бывшей империи Великих Моголов, объединенных в некую конфедерацию. Традиционными противниками маратхов являлись княжества Хайдарабад и Майсур. Хайдарабад, находившийся под властью низамов – потомков могольского наместника, в свое время отложившего княжество от Могольской империи, также претендовал на гегемонию в Южной Индии. Низамы Хайдарабада утверждали, что, поскольку основатель династии был могольским наместником всего Декана, то и его наследникам по праву должно принадлежать главенство во всех южноиндийских делах, а все прочие князья обязаны признать свой вассалитет. Разумеется, эти претензии не были признаны никем из властителей Деканского плоскогорья, для которых власть Моголов и права их наместников давно уже были пустым звуком. В течение долгого времени низам Хайдарабада вел с маратхами борьбу за стратегически важную и богатую область Карнатик. В результате упорной борьбы низаму все же удалось утвердиться в Карнатике и овладеть стратегически важным городом Тричинополи, столицей вассального княжества Мадур.

Возможно, что очередной передел наследства империи Моголов на Декане этим бы и закончился, но в это время в борьбу за Карнатик и за влияние в Южной Индии, помимо маратхов, Хайдарабада и Майсура, включились еще две мощные враждебные силы – Английская и Французская Ост-Индские компании.

Отметим, что Хайдер Али с юных лет находился под влиянием французов и был их убежденным приверженцем. Поэтому попытка Британской Ост-Индской компании перема-

нить столь серьезного правителя на свою сторону успехом не увенчалась. Хайдер Али отказал британцам даже иметь своего резидента при его дворе. Это была политическая пощечина! После этого Майсурское княжество было объявлено врагом Британской Ост-Индской компании. Что за этим последует, Хайдер Али прекрасно понимал. Встречаясь с соседними князьями, он говорил им одно и то же:

– Поймите, что Индия раздроблена на многочисленные княжества. При этом князья относятся к англичанам как к обычным владельцам, таким же, как и они. Это большая ошибка! Англичане являются врагом всей Индии, и одолеть их можно, лишь объединив силы всех разрозненных княжеств, для общей борьбы с ним!

Одни князья Хайдера игнорировали, другие понимали правильность речей правителя Майсура, вздыхали, что, мол, не ими началось, не ими и кончится.

Между тем Хайдер Али становился для англичан все опаснее и опаснее. Уже в первое пятилетие своего правления, как мы уже говорили, он сумел присоединить к Майсуру ряд территорий, ранее находившихся под контролем маратхских пешв, низама Хайдарабада и наваба Карнатики. Хайдер овладел стратегическими горными проходами в Западных Гатах, вышел на побережье Аравийского моря и захватил Малабар, а также нанес удар по княжеству Траванкур. Ко всему прочему, Хайдер Али, оказался дальновидным политиком и умел рассчитывать свои шаги далеко вперед. Так, после захвата малабарского побережья к нему отошли порты Мангалор, Рао и Пунганури. Не теряя времени, Хайдер Али с помощью французских советников занялся созданием там собственного военного флота. Во главе флота был поставлен начальник майсурской конницы Али Бей, так как до конца французским капитанам все же не доверял.

Время от времени в Майсурском княжестве вспыхивали мятежи. Проводимые реформы требовали немалых денег, а потому налоги с каждым годом ужесточались. Разумеется, англичане исподволь поддерживали всех мятежников, но Хайдер Али с мятежами пока справлялся. Увы, быстрое возвышение Майсура объединило против него всех соседей – марахов, Хайдарабад и Карнатик.

Именно поэтому начиная борьбу с могущественным правителем Майсура англичане рассчитывали именно на разобщенность индусов и поддержку враждовавших с Хайдером князей. Пока противники искали союзников и накапливали силы, но решительное столкновение между Британской Ост-Индской компанией и строптивым Хайдером Али было неизбежным.

Сразу же после завоевания Бенгалии англичанами была создана самостоятельная бенгальская армия, численность которой все время увеличивалась. Если вначале она насчитывала несколько неполных полков, то впоследствии включала три дивизиона европейской артиллерии, три полка европейской пехоты, десять полков индийской кавалерии и двенадцать полков индийской пехоты. При этом индийские полки комплектовались представителями высшей касты раджпутов Бенгалии, Бихара и Авада. При этом в армию брали только тех, чей рост составляет не менее пять футов шесть дюймов, а в гренадеры от шести футов. При этом в индийских полках в качестве унтер-офицеров и офицеров служили только европейцы.

Во второй половине XVIII века Ост-Индская компания имела три полноценные армии (по одной в каждом президентстве) – бенгальскую, мадрасскую и бомбейскую. Старейшей и сильнейшей традиционно считалась армия Мадраса. Офицеры мадрасской армии хорошо знали местные обычаи, кастовые ритуалы и социальную иерархию солдат.

Так как на ранних этапах колонизации Индии Бомбей считался нездоровым и убыточным регионом, там обычно находился небольшой гарнизон, причем упор делался на создание местного флота для борьбы с пиратством. В 1742 году бомбейская армия состояла из восьми рот европейских и индийских гарнизонных войск, общим количеством в полторы тысячи штыков. Впоследствии армия Бомбея выросла до 15 тысяч человек, но по-прежнему была значительно меньше остальных президентских армий.

Надо сказать, что мародерство во всех трех армиях Ост-Индской компании не только не преследовалось, а даже поощрялось. Первыми мародерами поэтому всегда были генералы и старшие офицеры.

* * *

Однако не только одно могучее Майсурское княжество вызывало в те годы озабоченность руководства Британской Ост-Индской компании. С осколком империи Великих Моголов и Майсурским княжеством на севере граничило уже упоминавшееся нами княжество Хайдарабад – место пересечения исламской, персидской и индийской культур. Сам город был известен своими садами и благодатным климатом. Сады Хайдарабада сравнивали со знаменитыми садами персидского Исфахана. Княжеством правила династия низамов Асаф Джахов («низам» сокращенное от «низам уль-мульк», что означает правитель территории). Хайдарабадское княжество являлось классической химерой, так как власть традиционно принадлежала мусульманам, при подавляющем большинстве индуистского населения. При этом Асаф Джахи умело маневрировали среди огромного «индуистского моря», старались не вступать в лишние конфликты, покровительствовали архитектуре и искусствам.

С востока, со стороны Бенгальского залива, к Хайдарабаду примыкали Северные Саркарсы (узкая приморская территория), провинции, на которые компания также имела свои виды из-за удобных портов. В 1765 году уже знакомый нам авантюрист и герой Каранайтских войн Роберт Клайв заставил императора Великих Моголов Шаха Алама II передать компании пять Саркарсов и тот не посмел ослушаться. Не удовлетворившись этим, английский отряд под командованием генерала Кайо уже в следующем году захватил форт Кондапалли, превратив его в очередную опорную военную базу в регионе. Тогда же был подписан союзный договор с Хайдарабадом, согласно которому англичане обязались содержать войска для помощи низаму. Но все было составлено так хитро, что на самом деле это хайдарабадцы содержали английские войска за счет собственных налогов. Что и говорить, чиновники Британской Ост-Индской компании дело свое знали!

Между тем если с Хайдарабадом и Северными Саркарсами англичанам удалось решить вопрос обманом и подкупам, то с Майсурским княжеством назревал очень серьезный военный конфликт. Компания уже подчинила себе Мадрас и Бенгалию, но огромная территория, лежащая между ними, принадлежала строптивым майсурам, и это не давало англичанам покоя.

– Мы должны любой ценой соединить наши владения! – провозгласил в 1765 году только что прибывший в Индию новый заместитель председателя Ост-Индской компании Джон Перлинг.

Перлинг был из флотских капитанов, поэтому матерился через слово, чем вводил в ступор чванливых чиновников. Когда его спрашивали, о чем он мечтает, то Перлинг отвечал:

– Купить себе имение в Дорсете и выиграть выборы в парламент, ну, а потом возглавить эту проклятую компанию. Здесь же мне надо как можно быстрее набить свой сундук золотом, иначе ни имения, ни парламента не видать как своих ушей. А потому, господа, вам следует не собирать налоги с индусов, а грабить этих сукиных детей так, чтоб у них пятки заворачивались!

Дважды чиновникам повторять было не надо, и вскоре у индусов действительно начали заворачиваться пятки... Но столь цинично, безжалостно англичане поступали только с теми, кого уже подчинили. С теми же, кто еще сохранял независимость, они действовали куда хитрее.

Вначале руководители компании хотели, как всегда, решить дело обманом и предложили правителям независимых провинций платить им арендную плату немного ниже той, которую они получали от наваба Аркота, но Низам отклонил их предложения.

И тогда в августе 1765 года за дело взялся Роберт Клайв, начавший переговоры с императором Великих Моголов Шах Аламом II, заставив его издать указ о предоставлении ком-

паниии прав на огромную территорию. Но император Моголов уже мало что решал. А князь майсуров Хайдер Али категорически отверг все предложения Клайва. Воинственный Хайдер гордо заявил:

– Мы землей своих предков не торгуем!

На это Клайв парировал:

– Как говорит ваша индийская пословица: живешь в реке – не враждуй с крокодилом!

На это Хайдер лишь рассмеялся:

– Я убью крокодила и буду жить в реке сам!

На этом встреча закончилась.

Удрученный неудачей, Клайв беседовал с Перлингом.

– Может, мы слишком мало ему предложили? – хмурился бывший моряк. – Удвой цену.

Но и на новое предложение Хайдер Али ответил столь же категоричным отказом.

В штаб-квартире компании пощелкали костяшками счетов...

– Небольшая победоносная война обойдется дешевле утроенной цены! Начинайте вторжение! – объявил Перлинг, набивший уже к тому времени золотом половину своего вожделенного сундука.

Война началась в январе 1767 года. При этом первый удар нанес Хайдер Али. Понимая, что война неизбежна, он не стал дожидаться нападения, а сам вторгся в северный Майсур, который считал своим. Претендовавший на эту территорию низам Хайдарабада Асаф Джах II, узнав о вторжении соседа, решил с ним воевать. Узнав об этом, англичане прислали в помощь хайдарабатцам две роты полковника Джозефа Смита.

Но затем Асаф Джах и Хайдер Али переговорили между собой, решив, что им все же выгоднее объединиться против британцев. При этом Хайдер должен был выплатить Асафу Джаху 18 лакхов рупий, за уход из северного Майсура, а низам, в свою очередь, обязывался признать сына Хайдера навабом Карнатики, когда эта территория будет отвоевана у англичан. Однако, несмотря на соглашение, обе стороны все же до конца друг другу не доверяли. Так началась первая англо-майсурская война.

Что касается англичан, то одолев к этому времени французов на юге Индии и столь же легко завоевав Бенгалию, они ожидали быстрых побед и над Хайдером Али. Но просчитались. Хайдер Али атаковал их сам.

Первой совместной акцией союзников стало нападение на британский форт Чангам, которое возглавил лично Хайдер. Несмотря на то что нападавшие имели до 70 тысяч человек против англичан, имевших всего 7 тысяч, захватить форт не удалось, и нападавшие были отбиты с большими потерями. Впрочем, это нисколько не смутило упрямого Хайдера. Несмотря на начавшийся сезон муссонов (по индийской традиции, все боевые действия в это время прекращались), он продолжил свои атаки и захватил несколько более мелких английских фортов, осадив затем крупную крепость Амбур. Не желая напрасно проливать кровь, Хайдер предложил коменданту сдать крепость за хорошие деньги, но тот отказался. Началась осада, которая была прервана подходом большого английского отряда. Не решившись вступить с ним в бой, Хайдер отвел армию на север. А вскоре пришло известие, что лучшие войска низама – конный корпус, обученный на европейский манер, перешел на сторону англичан. После этого доверия между союзниками стало еще меньше. Между тем англичане сами перешли к активным действиям, их отряды быстро продвигались в Северном Цирке (узкий участок территории, лежащий вдоль западной стороны Бенгальского залива в современных индийских штатах Андхра-Прадеш и Одиса).

Не забывали англичане и об интригах, стремясь всеми силами рассорить союзников, что им, в конце концов, и удалось. Заподозрив Асафа Джаха в тайном сговоре с англичанами, Хайдер решил сам заключить с ними сепаратный мир, но неожиданно получил отказ. Зато Асаф Шах, вернувшись в Хайдарабад, в 1768 году окончательно помирился с компанией. Этот шаг

оказался настолько дальновидным, что низамы Хайдарабадского княжества сохранили свою относительную независимость вплоть до ухода англичан из Индии в 1947 году!

Но Хайдер Али вовсе не считал себя побежденным.

– Флот слишком дорого обходится, чтобы стоять в порту без дела! – заявил он. – Пусть захватит мне Мальдивские острова!

– Не уверен, что наш малочисленный флот с этим справится, – закачали головами в турбанах военачальники. – Император Великих Моголов Аурангзеб уже пытался захватить Мальдивы, но даже ему это не удалось.

– Неужели слава и доблесть майсуров хуже, чем у моголов? – поднял бровь Хайдер. – Поднимите над всеми судами флаги с моим гербом, и пусть это вдохновляет моих моряков на победу.

Командовавший флотом Али Раджа Кунхи Амса клятвенно пообещал своему властителю сделать далекие и богатые острова провинцией Майсура.

В 1763 году флот Али Раджи, состоящий из десяти больших судов-дау и трех десятков лодок-кетов, отплыл из Лакшадвепа и Каннанора и, преодолев часть Индийского океана, почти без сопротивления захватил Мальдивы.

Командующий флотом Али Раджа вернулся в Майсур и, чтобы добиться еще большего расположения Хайдера Али, подарил ему захваченного в плен и ослепленного султана Мальдивских островов Хасана Изуддина. Однако возмущенный излишней жестокостью своего адмирала Хайдер Али лишил Али Раджа командования флотом.

Что касается генерала Роберта Клайва, то после возвращения в Англию он угодил под парламентское следствие по делу о хищениях в Индии. Подкупленные следователи сильно занизили размер его состояния, оценив его в 234 тысячи фунтов стерлингов. Но и это была огромная сумма! При официальном жалованье в 15 фунтов в год такое состояние Клайв мог заработать только за несколько десятков тысяч лет. Тем не менее в парламенте Клайва оправдали «за оказанные Родине огромные услуги». Увы, счастье это Клайву не принесло, и вскоре он, обкурившись опиума, перерезал себе ножом горло... Гораздо больше повезло любимой черепахе Клайва по имени Адвайта, которая пережила хозяина на 232 года и околела в Калькутте в 2006 году...

* * *

Итак, оставшись в одиночестве, Хайдер Али тем не менее продолжил войну с англичанами. Первоначально ход кампании был успешным для англичан, имевших возможность нападать на Майсур как из Мадраса, так и из Бомбея. Поэтому Хайдер изменил тактику. Отныне, избегая больших сражений, правитель Майсура быстро перебрасывал свои войска туда, где его меньше всего ждали, и наносил удары по отдельным английским отрядам, захватывая их тыловые базы. Стремительные рейды майсурской конницы и быстрое перемещение артиллерии напрочь переигрывали английских сипаев-пехотинцев. Поэтому на первых порах Хайдеру сопутствовал успех. Но затем англичане взялись за дело серьезно. Прежде всего, они захватили соседнее с Майсуром княжество Мангалор. И пусть Мангалор не имел большого военного значения – это был первый успех.

Кроме этого, англичане подбили на восстание против власти Хайдера Али жителей малабарского побережья. Это побудило Хайдера покинуть Карнатик и быстро двинуться к Малабару. Отправив своего сына Типу с передовым отрядом, Хайдер последовал за ним и в конечном итоге отбил у англичан Мангалор и ряд других портов. Изменившие местные вожди малабарцев были лишены всех прав и власти. Неприятной неожиданностью для Хайдера стало то, что часть мангалорских католиков поддержали англичан. Хайдер Али вызвал к себе коменданта местного португальского гарнизона и нескольких священников.

– Какое наказание вы считаете достойным тем из ваших единоверцев, кто переметнулся на сторону моих врагов? – спросил он их.

Португальский офицер, не моргнув глазом, отчеканил:

– За измену наказание может быть только одно – смерть!

Священники что-то несвязно лепетали о всепрощении и снисхождении. К чести Хайдера Али, он не стал пятнать руки христианской кровью, а посадил изменников-христиан в тюрьму. После этого заверил португальцев, что ничего плохого с ними не будет. Забегая вперед, следует сказать, что мангалорская католическая община процветала в течение всего его периода правления.

В свою очередь, англичане за время отсутствия Хайдера на Карнатике отвоевали там ряд территорий. Более того, они убедили выступить на своей стороне маратхов, вследствие чего их армия во главе с военачальником Морари Рао присоединилась к английским ротам полковника Смита.

В сентябре 1767 года противники дважды встретились в Карнатике в сражениях при Ченгаме и Тируваннамалае. В обоих случаях победа досталась англичанам, возглавляемым полковником Смитом. Потери майсуров составили около четырех тысяч человек и 64 орудия. Потери англичан были значительно меньше.

Ободренные первыми успехами, англичане и маратхи осадили принадлежащую Хайдеру крепость Бангладор. Судьба Бангладора висела на волоске. Но Хайдер не зря считался талантливым полководцем. Узнав об осаде крепости, он немедленно оставил Малабар и ускоренными маршами двинулся на выручку Бангладору. 22 августа 1768 года Хайдер ночью атаковал лагерь маратхов в Ооскоте. Первыми были пущены в бой боевые слоны, которые буквально растоптали спящих противников. За слонами в бой бросилась конница. Понесся большие потери, Морари Рао все же смог собрать вокруг себя достаточное количество воинов и организовать сопротивление. Бой продолжался до рассвета. После чего Хайдер Али, понеся не слишком большие потери, отступил. Англичане также понесли потери, в том числе уже после окончания сражения в лагере маратхов был убит адъютант Смита лейтенант Кэмбелл.

Но враги Хайдера рано радовались. Отступив, он затем нанес еще один неожиданный удар, на этот раз по шедшим на выручку маратхам английским ротам и разгромил их. После этого Морари Рао и полковник Смит вынуждены были снять осаду Бангладора и убраться восвояси.

3 октября Хайдер снова напомнил о себе, захватив стратегически важный форт Амбур, недалеко от Ооскоты. Для отбития форта англичане послали отряд полковника Вуда. В результате внезапной атаки тот смог вернуть нижнюю часть форта, но верхняя так и осталась за Хайдером. На следующий день Вуд с четырьмя ротами пехоты выступил из форта, чтобы перекрыть гарнизону верхнего форта снабжение по единственной дороге. Неожиданно его небольшой отряд был окружен всей армией Хайдера. Между тем сам форт удерживал гарнизон из 500 сипаев под командованием капитана Кэлверта и небольшой отряд маратхов. Видя, что англичане терпят поражение, майсуры начали высказывать симпатии удачливому Хайдеру. Заподозрив в подготовке мятежа начальника отряда маратхов, Кэлверт его арестовал.

В это время основные силы англичан из последних сил отбивались от моголов. Казалось, их ждало полное поражение. Но ситуацию спас командир подошедшего в этот момент авангарда английской армии полковник Брукс. Видя критическое положение Вуда, он с двумя ротами и парой пушек поднялся на вершину ближайшего холма, открыв оттуда яростный огонь. При этом Брукс пошел на нехитрую уловку. Когда обе пушки и солдаты открыли огонь по моголам, Брукс велел в перерывах между залпами кричать: «Смит! Смит!»

И в окруженном отряде полковника Вуда, и в окружившем его войске Хайдера подумали, что на холме появились главные силы британцев под командой полковника Смита, который вот-вот ударит в тыл майсурам. В такой ситуации Хайдер почел за лучшее отойти. В тот день

его потери составили около тысячи человек, англичан – более двухсот. Причем если для Хайдера такая потеря была не слишком существенна, то для англичан потери были критические.

На состоявшемся вскоре совещании полковники Вуд, Брукс и, наконец, реально прибывший Смит решили, что, несмотря на захват части форта Амбур, осадить Бангладор они не смогут, пока не разгромят армию Хайдера в генеральном полевом сражении. Но вся проблема состояла в том, что генерального сражения противнику Хайдер давать не собирался. Он предпочитал действовать по-партизански, нападая на мелкие отряды и нарушая коммуникации. И то и другое доставляло англичанам большие неприятности, при полном отсутствии реального успеха. После нескольких месяцев бесцельного топтания на месте полковник Смит был отозван компанией в Мадрас как неспособный военачальник. Новым командующим английскими войсками был назначен полковник Вуд.

Пока англичане меняли командующих, предприимчивый Хайдер в ноябре 1767 года осадил английскую крепость Хосур. Узнав об осаде Хосура, полковник Вуд во главе большого отряда направился на его деблокаду. Однако, едва Вуд приблизился к крепости, Хайдер неожиданно атаковал из засады растянувшихся в походной колонне англичан. При этом был захвачен весь обоз с припасами. Оставшись без пороха и ядер, Вуд с позором бежал. Пришлось компании изгонять со службы и этого военачальника. Третьим командующим был объявлен только что прибывший из Англии полковник Лэнг, но и от этой смены толку было немного. Война явно затягивалась, причем время работало не на англичан. Стойкость и удачливость Хайдера сделали его популярным по всему Индостану. Теперь майсурская армия пополнялась за счет войск поверивших в его удачу правителей провинций.

В ноябре 1768 года Хайдер Али разделил свою армию на две части и, переправившись через горы Гаты в Карнатик, восстановил контроль над ранее потерянными городами. Под городом Эроде Хайдер Али разбил сильный отряд англичан, взяв много пленных, которые были отправлены в столицу Серингапатам.

После быстрого установления контроля над южным Карнатиком Хайдер Али двинулся напрямик на Мадрас. Для англичан это была уже катастрофа. С потерей Мадраса их влияние в Индии сразу становилось ничтожным. Навстречу армии победоносного Хайдера Али был немедленно послан посол с предложением о взаимовыгодном мире. Но договориться сразу не получилось. Англичане хотели участия в переговорах прикормленного ими наваба Карнатика. Хайдер Али видеть предателя на переговорах не желал. В результате во главе шеститысячного кавалерийского корпуса и небольшого отряда пехоты Хайдер Али появился у ворот Мадраса.

Приводя в бессильную ярость английских джентльменов, наглые майсурцы прибывали к городским стенам листы бумаги с неприличными карикатурами на британского военачальника и еще более неприличными стихами о его армии.

Однако реальных сил, чтобы штурмовать столь серьезную крепость, у Хайдера Али не было, как их не было для продолжения войны и у англичан.

Снова начались переговоры. Хайдер Али желал наказания предателей маратхов. Англичане, по своему обыкновению, хитрили. Британский историк Левин Боуринг отмечал, что Хайдер Али в данном случае «проявил высокие качества как тактика, так и проницательность прирожденного дипломата». В результате 29 марта 1769 года был подписан мирный договор, оставлявший за Хайдером Али все завоеванные им земли, а также включавший в себя обязательства по оказанию военной помощи между Майсорским княжеством и компанией в случае нападения какой-либо третьей стороны. При этом Хайдер все же должен был выплачивать ежегодную дань потерявшим часть своих земель маратхам. Так закончилась первая англо-майсурская война. Все понимали, что договор между заклятыми врагами временный и противостояние между Хайдером Али и Британской Ост-Индской компанией еще не закончилось.

Глава вторая

В это время над Британской Ост-Индской компанией, несмотря на все ее экономические успехи, сгустились политические тучи. В 1773 году английский парламент предпринял новое наступление на ее интересы. Отныне решением парламента уже не правление компании, а только король получил право назначать генерал-губернатора, членов Бенгальского совета и Верховного суда в Калькутте. Это было серьезным ударом по самостоятельности английских купцов в Индии. Фактически отныне вся их деятельность переходила под контроль государства. Первым «королевским» генерал-губернатором Индии стал Уоррен Гастингс, много лет проживший до этого в Индии и поэтому хорошо знавший тамошние дела. Администратором Гастингс был опытным. При этом главной его чертой была абсолютная жестокость к индусам, которых он считал хуже зверей.

– Посмотрите на этих грязных дикарей, – говорил он не раз своим соратникам. – Разве это люди? Я испытываю куда больше сострадания к последней облезлой обезьяне, чем к этому посмешищу над человеческим родом! Ничтожные индусы способны только жрать, плодиться и работать под хорошим кнутом. Пусть же так дальше и существуют.

Именно при лорде Гастингсе Бенгалия испытала очередной жуткий голод, унесший многие миллионы. Теперь же Гастингс начал внедрять свои людоедские методы управления и во всех других принадлежащих компании провинциях. Результаты там будут еще более жуткими, чем в несчастной Бенгалии.

– Не называйте меня генерал-губернатором, – говорил Гастингс своим подчиненным. – Это слишком длинно. Называйте меня вице-королем. Так гораздо короче и понятней.

– Хорошо, господин вице-король – склонили голову верные чиновники. – Какие будут ваши сегодняшние указания?

В том же 1773 году Британская Ост-Индская компания неожиданно оказалась на грани банкротства. Из-за восстания американских колоний резко сократилась продажа чая и других товаров. На этом фоне в компании процветала чудовищная коррупция, и последние выжимаемые из индусов деньги разворовывались акционерами, директорами, губернаторами и простыми служащими. Кто сколько мог, столько и крал. В результате возникла реальная опасность краха компании, а вместе с этим краха всего британского господства в Индии. Опасность этого была столь велика, что английское правительство было вынуждено спасти проворовавшуюся компанию, вкладывая в нее огромные деньги, а также же беря ее под свой жесткий контроль.

В 1778 году резко обострились отношения между Англией и Францией. Еще со времен Семилетней войны французские дипломаты считали, что сепаратизм североамериканских колоний от Лондона будет полезен Парижу. Поэтому, когда в 1775 году в Северной Америке местные колонисты начали мятеж, Франция начал поддерживать повстанцев и склонять Испанию к военному союзу против ослабевшей Англии. Для англичан же в Северной Америке все складывалось не слишком хорошо. В битве при Саратоге в октябре 1777 года сдался корпус генерала Бергойна. Это значило, что война за океаном будет долгой и кровавой.

В результате политических интриг для Франции представился уникальный шанс – заставить своего заклятого врага воевать на два фронта. Поэтому в марте 1778 года король Людовик XVI объявил войну Британии. Его визави Георг III не был в восторге от столь тяжелой перспективы, но духом не пал.

– Если король Людовик думает, что загнал меня в ловушку, то он жестоко ошибается! Англия готова к войне и с французами, и с мятежниками! – заявил он премьер-министру лорду Норту. – Французы, видимо, забыли, как мы лупили их в Семилетнюю войну. Что ж, мы напомним!

Но реальная ситуация была не столь хороша, как казалась английскому королю. Только что Британия опрометчиво вышла из союза с Пруссией и теперь не имела союзников в Европе. Попытка привлечь к своим проблемам Россию также не увенчалась успехом. Когда Георг попросил императрицу Екатерину послать в помощь карательный русский корпус в Северную Америку, та ответила категорическим отказом:

– Еще чего! Я кровью своих солдат не торгую!

Историки говорят, что именно этот отказ российской императрицы и положил конец «медовому месяцу» между двумя великими державами. Отныне Россия и Англия, даже несмотря на периодические союзы, уже никогда не будут доверять друг другу. При этом Лондон отныне будет весьма ревниво следить за всеми успехами Петербурга не только на западе, но и на востоке. Большая Игра еще не началась, но прелюдия к ней уже состоялась...

Вскоре главные боевые действия между англичанами и французами переместились из Ла-Манша в Вест-Индию, где французские эскадры блокировали сахарные житницы Англии – Барбадос и Ямайку. В сентябре 1778 года французы захватили стратегически важную Доминику, а затем и Гренаду. Впрочем, англичанам удалось отразить штурм эскадры вице-адмиралом д'Эстена города Саванны.

* * *

Сразу же после заключения мира в 1769 году Хайдер Али сделал все, чтобы оживить экономику своего княжества. Для этого он начал активно развивать торговлю с другими странами, пытался сколотить и антибританскую военную коалицию. Его купцы и послы объявились и в Маскате, и в Ширазе. Казалось бы, что после столь большой войны наконец-то наступит долгожданный мир, которым можно было насладиться. Но, увы, ничего подобного не произошло. Индию продолжали сотрясать конвульсии нескончаемых войн всех со всеми.

Тем временем у Британской Ост-Индской компании возникли очередные финансовые претензии к конфедерации маратхов. Воспользовавшись этим, Хайдер начал требовать выплаты дани от небольших княжеств на границах между территориями Маратха и Майсура, а затем отказался платить и дань, требуемую маратхами.

На это пешва (князь маратхов) Мадхаврао I в ноябре 1770 года внезапно вторгся в Майсурское княжество с 35-тысячным войском. В соответствии с договором Хайдер обратился к Британской Ост-Индской компании с просьбой о помощи. Но та демонстративно отказалась выполнять свои обязательства под предлогом якобы уже имевшегося у них договора о дружбе с маратхами. Пришлось Хайдеру воевать в одиночку.

Именно тогда, прочувствовав на себе все коварство сынов Туманного Альбиона, умный Хайдер Али окончательно уверился в том, что англичане – это не просто противник, какими были окружавшие его земли князья, а враг всей Индии, с которым немислимы какие бы то ни было соглашения и которого надо уничтожить.

Именно тогда Хайдер Али и его сын Типу Саиб Султан торжественно поклялись на Коране хранить вечную ненависть к англичанам и уничтожить их. Забегая вперед, скажем, что эту свою клятву они исполнят с честью.

Сын Хайдера Али имел среди воинов прозвище – Тигр Майсура. Чтобы заслужить такое неформальное прозвище, ему надо было реально соответствовать. И Типу Султан действительно был в сражениях, как тигр: смел, расчетлив и жесток. Впрочем, к тиграм у Типу Султана было особое отношение еще с юности. Говорят, что, будучи юношей, однажды он охотился в лесу с другом – французским офицером. Неожиданно охотники столкнулись лицом к лицу с огромным тигром. Зверь первым набросился на француза и убил его. Типу Султан хотел было выстрелить в тигра из ружья, но оно не сработало. А затем зверь прыгнул на сына правителя Майсура. Удар был такой силы, что из рук Типу выпал и кинжал – последняя его надежда.

Наверное, мир бы никогда не узнал бы о будущем выдающемся полководце, если бы Типу не удалось все же каким-то чудом дотянуться до своего кинжала и убить им уже терзавшего его тигра. С тех пор Типу считал, что в прошлой жизни он также был тигром. Отныне на знаменах его отрядов стали изображать только разъяренных тигров. Тиграми и сценами охоты на них Типу украшал и инкрустировал свое оружие, а фигурами хозяина джунглей окружил свой дворец. Нам неизвестно, как относился к этой тигромании сына Хайдер Али. Однако, думается, в желании сына походить на самого смелого и сильного зверя Индии он не видел ничего плохого.

Начало боевых действий против маратхов сложилось для Хайдера неудачно. Застигнутый врасплох, он отступал, сжигая селения и урожай. Маратхи захватили большую часть северо-восточного Майсура и еще больше упрочили свои завоевания во время сезона муссонов. Хайдер предложил им заплатить часть требуемой дани, но его предложение отвергли как недостаточное. По окончании муссонов пешва Мадхаврао возобновил наступление. Он продвинулся до окрестностей столицы Майсурского княжества Серингапатама, а затем сделал вид, что отходит на север, выманивая Хайдера. И тот поддался на уловку, последовав за ним. В какой-то момент отступающие неожиданно развернулись и дали своему мнимому преследователю жестокий бой, в котором Хайдер потерпел полное поражение. Помимо серьезных потерь, он потерял и большую часть своего обоза. Отбросив остатки армии Хайдера, пешва Мадхаврао снова подошел к столице Майсурского княжества. Простояв под городом в течение пяти недель, он так и не решился на штурм мощных стен. Оставив столицу Хайдера, Мадхаврао двинулся на Бангалор, который и захватил.

После этого посланники Мадхаврао обратились к Хайдеру с предложением объединиться против англичан и изгнать их из Восточной Индии. Но поскольку Хайдер в то время все еще пытался заключить союз с англичанами, он известил последних об этом предложении. Сыну своей поступок он объяснил так:

– Если мы действительно объединимся и прогоним англичан, то маратхи в данном случае получат слишком большую власть и будут уже угрожать нашему собственному положению. А оставшись с ними один на один, мы можем и не выстоять. Поэтому я решил, что пока лучше заручиться поддержкой англичан. Это наши враги, но иногда полезно обмануть и врага.

Но обмануть англичан не получилось. Когда Хайдер обратился в Ост-Индскую компанию за помощью, там выставили столь кабальные условия, что согласись Хайдер на них, Майсурское княжество сразу бы потеряло независимость. Поэтому от помощи англичан пришлось отказаться. Ну, а так как пешва Мадхаврао был обижен отказом от союза, Хайдер снова остался в одиночестве.

После этого враждующие стороны еще некоторое время ограничивались второстепенными ударами, но пыл войны уже пропал, и в 1772 году Хайдер, наконец, согласился на заключение мира с маратхами. По условиям мира он должен был выплатить Мадхаврао 3,6 миллиона рупий единовременно, помимо этого, еще 1,4 миллиона рупий в ближайший год и уступить победителю свою территорию вплоть до Бангалора.

Вернувшись после заключения мира в Серингапатам, Хайдер узнал, что формальный раджа Майсура Нанджараджа на протяжении всей войны являлся платным агентом маратхов, передавая им всю секретную информацию. Разгневанный Хайдер приказал задушить изменника, а на трон посадил своего брата Чамараджу – не очень умного, зато верного.

Как потом говорил Хайдер Али, на мир с маратхами он пошел для того, чтобы сберечь силы для будущей большой войны с англичанами. К этой войне он начал готовиться немедленно. Для пополнения пустой казны Хайдер Али сразу повысил дань с вассальных князей и принялся деятельно готовить армию.

* * *

Мир с маратхами был, впрочем, недолгим. Пешва Мадхаврао I скоропостижно умер в конце 1772 года, и в столице маратхской конфедерации Пуне разгорелась борьба за власть. Один из претендентов на трон Рагхунатх Рао (Рагоба) обратился за помощью к Хайдеру Али, но тот не захотел влезать в маратхскую междоусобицу. Наоборот, воспользовавшись заварухой у соседей, Хайдер послал сына Али Типу с армией на север, чтобы вернуть утраченные территории. Сам же Хайдер двинулся на юго-запад, чтобы захватить небольшое княжество Кург, пока его не прибрали к рукам англичане. Помимо этого, владение Кургом обеспечило более безопасный путь к малабарским территориям (область в Южной Индии между берегом Аравийского моря и горами Западные Гаты), которые Хайдер мечтал вернуть после нанесения удара по маратхам. Особого сопротивления маленькое княжество не оказало, и Хайдер быстро захватил столицу Курга Меркару. Местного раджу Вира Раджендру он упрятал за решетку. Но едва Хайдер оставил Меркару, как там поднялось восстание против него в защиту плененного раджи. Пришлось возвращаться и наводить порядок в своих новых владениях. Чтобы внушить к себе должное уважение и почтение, Хайдер повесил всех зачинщиков мятежа. Но курги оказались ребятами неробкого десятка и вскоре стали постоянной головной болью для захватчиков.

Между тем Рагхунатх Рао все же нашел себе союзника в борьбе за трон маратхского пешвы. В Сурате он заключил договор с Бомбейским советом Ост-Индской компании, согласно которому англичанам в случае его восхождения на трон отходили большие маратхские земли, в том числе остров Сальсете и мелкие острова близ Бомбея. Кроме того, Рагхунатх Рао обязался платить за содержание обещанного ему трехтысячного отряда сипаев 150 тысяч рупий в месяц.

Но хитрый претендент на трон просчитался. Едва англичане вторглись в княжество маратхов, как встретили решительный отпор объединившихся местных князей. Раздосадованный таким оборотом дела, лорд Гастингс как глава всех английских владений в Индии немедленно аннулировал Суратский договор, заключив новый, более выгодный, но уже с противником Рагхунатха Рао – Нана Фарнависом, министром малолетнего князя-пешвы Мадхао Рао II. По этому договору будущий пешва обязался внести Ост-Индской компании за вывод ее войск из княжества уже почти полтора миллиона рупий наличными и, кроме того, отдать области, приносившие триста тысяч рупий чистого дохода. Остров Сальсете, переданный англичанам по прошлому договору с обманутым Рагхунатху Рао, также оставался за англичанами. Но Рагхунатху Рао также подсуетился. Золото, как известно, открывает любые ворота, и вскоре Бомбейский совет Ост-Индской компании отказался подчиняться лорду Гастингсу, снова послав свои войска в Махараштру, чтобы передать власть Рагхунатху Рао. Но англичанам не повезло – бомбейская армия была окружена войсками одного из маратхских князей Махададжи Синдхии в городке Варгаоне, буквально в десятке миль от столицы княжества Пуны. Положение бомбейцев было критическим. Однако наивный Махададжа Синдхия соблазнился обещанием Бомбейского совета признать его независимым от пешвы правителем и заключил с англичанами самостоятельную конвенцию, по которой англичане обязались выдать пешве Рагхунатха Рао и вернуть маратхам все ранее завоеванные области. После этого Синдхия позволил английской армии беспрепятственно уйти в Бомбей. Но едва армия оказалась в безопасности, Совет Бомбейского президентства отказался ратифицировать конвенцию в Варгаоне. В результате хитромудрый махараджа Синдхия перехитрил самого себя, оказавшись ни с чем.

Было очевидно, что теперь маратхи готовы к настоящей войне с англичанами. Это быстро понял Хайдер Али и тут же предложил обиженным и обманутым маратхским князьям во главе с Махададжи Синдхи военный союз против общего врага. Маратхские князья с радостью согла-

сились. Так обозначались перспективы новой большой войны союза индийских княжеств против Британской Ост-Индской компании.

К марту 1775 года ситуация в столице княжества маратхов Пуне нормализовалась и удивленные маратхи увидели, что пока они делили трон, лишились чуть ли не половины своего княжества, отошедшего к Майсуру. Поэтому маратхи немедленно вступили в союз с низамом Хайдарабада, чтобы общими силами противостоять Хайдеру. Но этот союз продержался недолго. Уже в следующем году Хайдеру удалось рассорить союзников и вывести Хайдарабад из игры.

Но интриги на этом не закончились. Пользуясь преимуществом в силе, Хайдер после длительной осады и взятия столицы княжества Карнатака Дхарвада расширил свои владения до реки Кришна. В том же 1779 году Хайдер жестоко расправился с местным раджей Мадакари Наякой, правителем Читрадурги. Мадакари раньше не раз поддерживал Хайдера, но два года назад изменил и переметнулся к маратхам. Поэтому после захвата Читрадурги Хайдер отправил безутешного Мадакари Наяку в Серингапатам, где тот вскоре и умер. Далее Хайдер отобрал двадцать тысяч юношей и мальчиков-буддистов, которых также насильно отправил в Серингапатам, где мальчики были насильно обращены в ислам. После этого из них были сформированы отборные карательные отряды (по аналогии с турецкими янычарами).

Следует сказать, что в 1774 году майсурскому послу удалось договориться с тогдашним шахом Персии Карим-ханом о создании торгового порта в Персидском заливе. Карим даже предложил конкретный порт – Бандер-Аббас. К сожалению, дальше этого дело не пошло.

Наибольшего успеха в деле налаживания отношений с северными и западными державами добился посол Хайдера Нурсулла-хан, основавший в Маскате большой торговый дом. После этого правитель Майсура озабочился отправкой послов к турецкому султану Мустафе III. Это в полной мере удалось впоследствии уже его сыну Типу Султану. Мечтал дальновидный Хайдер Али и о торговле с далекой и неведомой Россией. Но на это у него уже не хватило ни сил, ни времени...

Как знать, если бы императрица Екатерина II знала тогда о столь горячем желании правителя далекого Майсурского княжества установить торговые отношения с Петербургом, может, и она предприняла бы какие-нибудь шаги навстречу?

В 1776 году в Серингапатаме скончался болезненный брат Хайдера Чамараджа Водейяр VIII, формально являвшийся правителем Майсура. Разумеется, Хайдер мог особо не заморачиваться и избрать новым раджей самого себя или своего сына, но он ни того, ни другого делать не стал.

– Я предпочитаю руководить из-за спины подсадного правителя! – не раз говорил Хайдер сыну Типу. – Из-за спины руководить не только гораздо безопаснее, но и лучше видно!

Чтобы выбрать преемника Чамараи, Хайдер собрал всех детей правящей династии и устроил им смотр.

Увидев, что маленький мальчик Чамараджа из всех игрушек выбрал золотой кинжал, который повесил себе на пояс, Хайдер воскликнул:

– Если он мечтает носить драгоценное оружие в таком малом возрасте, он сможет его достойно носить, когда вырастит!

И объявил мальчишку новым раджей княжества под именем Чамараджи Водейяр IX. Впрочем, в политике Майсура это ровным счетом ничего не меняло. Всем и всеми правил по-прежнему он – грозный Хайдер Али.

* * *

Ну, а как относились к происходящему в английских колониях в тогдашней Франции? Начиная со времен Семилетней войны 1756–1763 годов Версаль считал, что независимость британских северо-американских колоний будет весьма полезна для Франции. Поэтому, когда

в 1775 году колонисты подняли мятеж, Версаль немедленно начал тайно поддерживать американских мятежников. Когда в октябре 1777 года англичане капитулировали в битве при Саратоге, стало понятно, что для Лондона борьба в Северной Америке будет долгой и разорительной. Британское поражение при Саратоге и подвигло французов на войну со своим старым недругом.

– Мы не готовы драться сейчас в Америке и в Европе! – выговаривал премьер-министру Норту король Георг III. – Дайте колонистам то, что они просили, и успокойте их.

– Увы, ваше величество, уже поздно, – развел руками Фредерик Норт. – Автономии колонистам теперь мало. Это было достаточно два года назад, но сейчас неприемлемо. Американские мятежники желают уже только полной независимости!

– Что же тогда делать? – спросил король.

– Будем стараться успокоить французов. Что же касается колонистов, будем надеяться, что наша армия все же найдет силы переломить мятеж.

– В любом случае времена нас ждут далеко не лучшие! – вздохнул Георг III.

Английский король как в воду глядел. Буквально через пару месяцев в Филадельфии капитулировал генерал Бергойн, а еще месяц спустя Людовик XVI объявил войну Англии.

После этого Англия попыталась найти союзника в Европе. Но желающих связываться с неудачниками не нашлось. Лондону отказали все, в том числе и Россия. В результате Англия осталась один на один с Францией. Первые столкновения с французским флотом при Уэссана, на которые так рассчитывал Лондон, так же не дали никакого результата.

Потрясенный Норт хотел было уже отказаться от власти в пользу лорда Чатэма. Но король Георг гневно топнул ногой:

– Я не желаю владеть короной, находясь в кандалах у этого пройдохи и наглеца Чатэма. Отставки не будет! Мы с вами, дорогой Фредерик, заварили эту кашу, нам ее вместе и расхлебывать!

Между тем возбуждение в английском обществе росло. И вскоре непрекращающиеся поражения в Америке привели к антикатолическим бунтам черни в Лондоне.

Разумеется, начавшееся противостояние Англии и Франции не могло обойти и Ост-Индию, где англичане с французами соперничали уже давно. Поэтому, когда в 1778 году в Индию пришло известие о том, что Франция вступила в войну, Британская Ост-Индская компания сразу же перешла к захвату французских колониальных факторий.

Главной крепостью французов в Индии тогда являлся расположенный на берегу Бенгальского залива порт Пондишери. Именно его захват и стал главной целью англичан. Губернатор Французской Индии Гийом де Белькомб пытался укрепить Пондишери. Однако ров не был вырыт до конца, а насыпь и стены не были достроены – не хватило денег. Напрасно Белькомб писал в Версаль, что Пондишери открыт для неприятеля, – его просьбы канули в архивах. Вскоре англичанам без боя сдался форт Шандернагор (ныне – город Чанданнагар), губернатор которого пытался бежать, но был пленен. В августе 1778 года английские войска, имея пятикратное превосходство в силах, подошли к Пондишери. Губернатор Белькомб не испугался, а мобилизовал население на строительство бастионов. В это время в Пондишери появился французский авантюрист – командир отряда сипаев Мадек, который предпринял ряд удачных вылазок из города. Но перевес противника был слишком велик, к тому же французский флот адмирала де Тронжоли не принял сражения с английским флотом и бросил Пондишери на произвол судьбы. Видя, что шансов на спасение нет, де Белькомб согласился на капитуляцию. Скорее всего, на этом история пребывания французов в Индии бы и закончилась, если бы не два человека – уже известный нам правитель наиболее могущественного княжества Майсур Хайдер Али и французский вице-адмирал Пьер-Андре де Сюффрен де Сен-Тропез.

Перелом в противостоянии начался с того, что деятельный правитель Майсура заявил:

– Я больше не буду вооружать воинов луками и щитами! Моя армия будет похожа на английскую, но многочисленнее и лучше!

Первым делом Хайдер Али отменил традиционную систему джагиров – раздачу земель во владение вельможам взамен на содержание отрядов, заменив ее выплатами воинам жалования из казны. Одновременно на службу стали наниматься французские офицеры. Результаты реформы сказались быстро – вскоре армия Хайдера получила понятие о дисциплине и европейской тактике.

Помимо этого, Хайдер Али серьезно занялся своей пехотой, к которой индийские власти традиционно относились с пренебрежением. В результате правитель Майсура получил двадцать тысяч вооруженных мушкетами и обученных линейной тактике солдат и десятитысячный вспомогательный корпус.

Не забыл Хайдер Али и о коннице. Отныне она была подчинена не своим эмирам, а одному командиру. При этом отныне все получали казенных боевых коней, а не приезжали на крестьянских разношерстных лошадях. Немало сил было потрачено на создание современной артиллерии и обучение артиллеристов. В результате этого пушки Хайдера стреляли не хуже английских, а командиры батарей были обучены маневрировать на поле боя. Особое управление ведало лазаретами, куда набирали лучших лекарей и знахарей. Не жалел Хайдер Али денег и на разведку. Лазутчики правителя Майсура наводнили все княжества Индии, в особенности много их было в английских владениях.

* * *

Имея информацию о том, чем занимаются англичане, Хайдер Али не питал в отношении них никаких иллюзий. Ведь закабаление англичанами богатейшего южного княжества Карнатик произошло на его глазах. После того как англичане втерлись в доверие правителям княжества, они в 1763 году организовали дворцовый переворот, убрали мешавшие им фигуры и посадили правителем Карнатика своего ставленника Мухаммада Али-хан Валладжа. Никакой реальной властью тот не обладал, а был лишь марионеткой в руках англичан. После войны 1756–1763 годов Британская Ост-Индская компания нагло потребовала от Мухаммада Али оплатить все свои военные издержки, определив их в пять миллионов рупий. Таких денег у наваба, разумеется, не было. Тогда чиновники компании ссудили ему нужную сумму, но за это потребовали права сбора налогов в некоторых округах. Путем ловких финансовых операций чиновники собирали повышенные налоги в предоставленных им округах, а потом из этих средств ссужали Мухаммаду Али деньги за очень высокие проценты. Особенно преуспел в этом некий мелкий клерк Поль Бенфилд. Получая в год всего 200 фунтов стерлингов, он одалживал Мухаммаду Али тысячи фунтов стерлингов, причем все попытки наваба избавиться от этих долгов были безрезультатны. Для уплаты процентов по долгам загнанный в угол Мухаммад Али прибегал к новым займам. Заимодавцы-англичане находили это очень выгодным, т. к. они сразу оказывались крупными землевладельцами и получали возможность делать в считанные месяцы огромные состояния, угнетая местных крестьян-райотов. Надо ли говорить, что вскоре богатейшее княжество Карнатик было полностью разорено. В отчаянной попытке поправить свои финансовые дела Мухаммад Али с молчаливого одобрения хозяев захватил и разграбил богатое соседнее княжество Танжор. Но все награбленное вновь молниеносно исчезло в бездонных закромах компании. Мухаммаду остались лишь бумажки с расписками.

Следует сказать, что попытки остановить разграбление Карнатика все же были. Так, в 1771 году это пытался сделать лорд Джон Линдсей, исполнявший в Индии сразу две должности – представителя короля и командующего Ост-Индской военно-морской станции. Но его быстро спровадили в Англию, а затем вообще изгнали с флота. В 1776 году против компании выступил уже более серьезный противник лорд Джордж Пигот, поступивший на ее службу еще

в 1736 году. Карьеру Пигот сделал прекрасную. В 1755 году он стал губернатором и главнокомандующим Мадраса. В 1758–1759 годах Пигот удачно оборонял Мадрас от французов, а потом отличился при осаде Пондишери. В 1763 году Джордж Пигот вернулся в Англию, получив место в парламенте. Вернувшись в Индию в 1775 году, он занял свою прежнюю должность в Мадрасе. Вскоре Пигот был вовлечен в ссору с большинством членов подчиненного ему Мадрасского совета, которая возникла из-за предложенного Пиготом восстановления в правах раджи Танжорского княжества Тулджаджи, а также поднятого им вопроса о вопиющем ограблении Карнатика. Оговоримся, что Пигот не был добрым дядей для индийцев. Он просто желал остановить беззаконие и вернуть получение прибыли в рамки закона. Поразительно, но выступивший против своих подчиненных губернатор был ими же арестован и брошен в тюрьму, где вскоре при весьма загадочных обстоятельствах умер.

Губернатор был уже мертв (новости из Индии достигали Англии тогда в течение полугода), когда его поведение было осуждено судом директоров компании в Лондоне. Еще бы, ведь Пигот хотел предоставить факты беззакония в Карнатике в парламент! В 1779 году с требованием разобраться в смерти Пигота и наказать его убийц выступил его брат-адмирал. Вопрос обсуждался в парламенте, и четверо чиновников были признаны виновными в незаконном аресте своего начальника. Они даже предстали перед судом и были оштрафованы на тысячу фунтов стерлингов каждый, после чего... вернулись к исполнению своих обязанностей в компании. Увы, но то, что не могут сделать деньги, могут сделать очень большие деньги. На этом дело губернатора Пигота было предано забвению. Единственно, что удалось добиться брату-адмиралу, – это вернуть в семью принадлежавший брату самый большой на тот момент в мире алмаз, так и называвшийся «Алмаз Пигота», уже присвоенный одним из директоров компании.

Кстати, уже знакомый нам ростовщик, аферист и подлец Поль Бенфилд вернулся в Англию настоящим набобом. Подкупая всех налево и направо, он вскоре стал членом парламента. Но этого ему казалось мало, и профессиональный аферист занялся спекуляциями ценными бумагами, в результате чего разорился и вынужден был бежать от кредиторов во Францию, где и умер в нищете. Увы, награбленное в Индии богатство счастья ему так и не принесло...

Глава третья

В 1779 году маратхи, все еще продолжавшие воевать с англичанами, возобновили свое предложение Хайдеру Али о военном союзе. В данном варианте в альянс должен был войти и низам Хайдарабадского княжества. Решение Хайдарабада присоединиться к союзу было спровоцировано самими британцами. Вначале они без всяких к тому оснований захватили на побережье Карнатики порт Малпе. Повод был довольно мутным – революция во Франции. Для Хайдера захват Малпе стал серьезным ударом, так как оттуда от французов он получал европейское вооружение.

Затем британцы спровоцировали восстание племени наров на малабарском побережье, откровенно направленное против Хайдера, но тот мятежников быстро успокоил. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Хайдера, стало демонстративное перемещение английских отрядов из Мадраса в Гунтур через территорию, находящуюся под его управлением. Дошло до перестрелки, в результате которой англичане отступили в Мадрас.

Надо сказать, что, пользуясь мирной передышкой, Хайдер Али начал восстанавливать свой флот. На этот раз, обратившись к услугам голландского корабельного мастера Джозе Азеларса, он построил восемь океанских судов-кетов с 40 пушками, а также восемь традиционных для этого региона судов-доу меньшего размера. Базой нового флота стал порт Бхаткал.

Договорившись о совместных действиях против англичан, майсурцы, маратхи и хайдарабадцы решили произвести одновременные нападения на британские владения по всей Индии. Одновременно маратхи согласились для упрочения союза удовлетворить ряд притязаний Хайдера на территории, которые они занимают к северу от реки Тунгабхадра, а также уменьшили сумму дани.

Что касается Хайдера, то свой главный удар он решил нанести в Карнатике, где еще оставались французы, в надежде, что ему удастся снова наладить через них закупку европейского оружия.

Но и чиновники Британской Ост-Индской компании не сидели без дела. Через своих многочисленных шпионов они прекрасно знали о новом антибританском договоре трех правителей. Главный представитель компании в Индии Уоррен Гастингс объявил:

– Денег не жалеть, но, чтобы всех, кого только можно, подкупить!

– Хайдера мы вряд ли подкупим! – ответили посланцы. – Он ненавидит нас больше, чем любит золото.

– Тогда подкупите всех, кроме него! – велел Гастингс.

Вскоре золото из кладовых Мадраса перекочевало в подвалы дворцов в Пуне и в Хайдарабаде, после чего тройственный союз... распался.

Теперь Хайдеру снова надо было воевать с англичанами в полном одиночестве. Вместо общеиндийской освободительной войны, которая бы наверняка имела успех, началась вторая англо-майсурская война, где перед Хайдером уже стояла совсем другая задача – устоять под ударами англичан.

Правитель Майсурского княжества, впрочем, не опустил руки и быстро заключил союзы с Али Раджа Биби Джунумабе II из Аракальского княжества, с мусульманской общиной порта Малпила, а позднее даже с мусульманами-малайцами, служившими Голландии. Но все это были союзы второстепенные, так как никто из новых союзников не имел ни армии, ни денег на ведение войны. Скорее это была больше моральная помощь.

Впрочем, на тот момент армия Хайдера была одной из самых крупных в Южной Индии. Ее численность оценивалась в 83 тысячи воинов. Но и это не все. Хайдер Али приготовил для своих противников столь неожиданный сюрприз, который во многом изменит впоследствии ведение всех боевых действий. Хайдер применил... ракетное оружие, причем весьма совер-

шенное, которого у англичан не было и в помине. Полторы тысячи воинов-ракетчиков несли на плечах длинные бамбуковые шесты, служившие одновременно и флагштоками, с привязанными к ним ручными ракетами. По команде ракетносцы втыкали шесты в землю, направляя их под углом к неприятелю, и поджигали ракеты, которые с шипением уносились в стан врага. Дальность полета ракет составляла более двух миль (их старались пускать по ветру), что для того времени можно считать сверхдальностью. Да и запускали их не поодиночке, а сразу сотнями, чтобы эффект был больше. Особенностью «майсурских ракет» был прочный металлический корпус, помогавший удерживать порох. Чтобы эффект от ракет был больше, к ним крепили стальные клинки. Теперь после выстрела ракеты в толпу врагов прилетал еще и увесистый реактивный «дротик», пронзающий насквозь несколько человек.

При этом ракеты являлись не только психологическим, но и реально боевым оружием, так как, по существу, они были зажигательными снарядами. В воспоминаниях англичан встречается немало свидетельств того, как ракеты разрывали сразу по несколько солдат. Особым ценителем и новатором ракетного дела являлся старший сын Хайдера Типу Султан, который написал даже специальное наставление по ракетному делу «Фатхул Муджахидин», которое обязаны были изучить все военачальники. Согласно этой книге, в каждом кашуне (отряде) майсурской армии должно было числиться двести ракетчиков. При этом, если первое время ракеты применялись Хайдером единично, то именно Типу Султан впервые решил использовать их массово. Очень скоро англичане на своей шкуре узнают, что значит попасть под огонь жутких «майсурских ракет».

* * *

...Лагерь армии Майсура столь же многолюден, пестр и шумлив, как и была многолюдна, пестра и шумлива сама Индия. Военный индийский лагерь – это всегда небывалое скопление людей, где перемешались, кажется, все народы и касты, все мыслимые костюмы и одеяния. Помимо воинов, всюду снуют слуги и торговцы, проститутки и дети. Рядом с воинскими палатками идет яростная торговля. Торгуют всем, что только можно себе представить. Тут же седобородые факиры глотают огонь и пронзают себя саблями. Заклинатели змей дудят в дудочки шипящим кобрам. Бродячие артисты выступают со своими печальными песнями и зажигательными танцами. Ну, а какой индийский базар без нищих! Они везде – у военных палаток и у купеческих лавок, у коновязей и в придорожных канавах....

Центр лагеря огорожен оградой из желтого полотна. За ним, в некотором отдалении, возвышаются три шатра изумрудного шелка – один огромный и два поменьше. Над шатрами сияющие на солнце золотые шары, рядом знамена. Это резиденция самого Хайдера Али. Вокруг бдит многочисленная стража, вооруженная новыми французскими ружьями. Из главного шатра то и дело выбегают командиры, сановники и гонцы. Кто-то, наоборот, туда заходит. И непосвященному понятно, что правитель Майсура не придает ее, а трудится – выслушивает доклады, отдает распоряжения, рассылает лазутчиков, диктует письма, читает ответы на них. Даже ночью издали видно, что в княжеском шатре горят светильники, отсвет которых пробивается сквозь шелковую ткань, – правитель не спит, а занимается нескончаемыми военными делами.

Едва восходит солнце следующего дня, как трубачи, стоящие подле главного шатра, начинают призывно трубить в свои длинные трубы – созывают на дарбару (совет) главных командиров. В лагере уже шепчутся, что правитель принял какое-то важное решение. Озабоченные военачальники один за другим исчезают за пологом княжеского шатра. Каждого предварительно обыскивают два телохранителя – в покои Хайдера Али нельзя входить даже с кинжалом! Спустя какое-то время военачальники, еще более озадаченные, выходят общей толпой и спешат к своим отрядам. После этого огромный лагерь приходит в движение. Спустя какое-то

время он уже напоминает разворошенный муравейник. Складываются палатки, свертываются лавки, все кричат и машут руками...

Вот резко одергивается полог главного шатра и из него появляется сам Хайдер Али в боевых доспехах и в чалме с алмазным челенгом. Ему подводят белого арабского скакуна. Правитель легко вскакивает в расшитое изумрудами и жемчугами седло. Взмах унизанной перстнями руки – и разом взрываются ревом трубы, неистово бьют огромные барабаны – Хайдер Али объявил начало нового похода!

После этого он в сопровождении личной охраны стремительно покидает лагерь. Отъехав пару миль от лагеря, Хайдер Али останавливается на небольшом пригорке у обочины и, сидя на скакуне, под пестрыми знаменами Майсура пропускает мимо себя воинов, придирчиво взглядываясь в их лица. Опытный полководец, он хотел лишний раз удостовериться, насколько его воины бодры, в порядке ли их оружие, верят ли они в будущую победу. Вот проехал передовой отряд с большим знаменем и трубачами, дувшими так громко, что казалось, у них от натуги вот-вот лопнут щеки. Потом проследовал отряд всадников-ракетчиков с бамбуковыми шестами за спинами и огромными седельными сумками, наполненными ракетами. За ракетчиками проехали на верблюдах воины с ружьями. Медленно и величаво прошагали боевые слоны, на спинах которых в корзинах покачиваются лучники. Протопала колонна наемников-негров со старинными мушкетами на плечах. Обгоняя всех, на рысях прошла легкая конница с саблями и пиками. Потом на дороге появились тяжелые кавалеристы в стеганых доспехах с длинными кривыми саблями на боку и притороченными ружьями. Отдельной колонной прошла мимо артиллерия. Мелкие пушки тянули лошади, а большие – быки. Индийские пушки, в отличие от европейских, щедро украшены орнаментом, а концы стволов представляли собой пасти тигров, из которых выглядывали жерла. Дальше уже пылила пехота с длинными копьями, саблями и закинутыми за спины круглыми щитами. Завидев своего повелителя, проходящие мимо воины громко приветствовали его криками и боевыми песнями, грозно потрясали оружием. Хайдер Али был доволен – воины воодушевлены и, значит, будут драться, как настоящие тигры. Пропустив мимо себя большую часть войска, он дожидается прохождения гвардии, после чего въезжает в ее ряды. Два десятка рабов несут роскошный паланкин, в который и перебрался правитель Майсура. Еще недавно он бы с презрением отнесся к такому способу передвижения, предпочитая верховую езду, но сейчас Хайдера мучали сильные боли в спине и ему трудно долго находиться в седле. Потому большую часть пути приходилось возлежать в мерно раскачивающемся паланкине.

Наконец, из быстро пустеющего лагеря тронулся обоз. Унылые волы натужно тащат скрипящие арбы, доверху заваленные всяческим снаряжением и провиантом. И уже за обозом пришел в движение весь остальной табор. Первыми организованно выезжают купцы со своими передвижными лавками, за ними тянутся толпы женщин и детей. Замыкают движение нищие. Некоторые из них были больны и немощны. Все больше отставая, они ковыляют в придорожной пыли, пока не падают в нее, становясь легкой добычей одичавших собак.

В начале 1780 года Хайдер двинулся со всей армией через горы Восточные Гаты на прибрежную равнину, разграбив все попадавшиеся на пути селения. Это было сделано настолько стремительно и толково, что англичане в Мадрасе узнали о его приближении только тогда, когда с крепостных стен увидели горящие вдалеке деревни. Припугнув Мадрас, Хайдер осадил форт Аркот, одновременно послав младшего сына Карима Хана Сахиба в дальнюю разведку.

– Я обещаю, что вышвырну англичан из всей Южной Индии! – обещал он своим подданным.

О, как ошибаются те, кто думает, что приход армии Хайдера было благом для народов Индии! Любая война всегда несет несчастья, голод и смерть. Из воспоминаний католического священника Пиррена: «Я был свидетелем ужасного несчастья – голода, продолжавшегося почти два года. От этого голода пострадало 15 миллионов человек, треть из них умерли...

Он (Хайдер Али. – *В.Ш.*) пришел отомстить англичанам за захват Пондишери... У него было 100 тысяч воинов и еще 300 тысяч человек. Все запасы продовольствия были разграблены. Поля опустошены. Население городов и деревень бежало в джунгли и необжитые места. Здесь не было никакой пищи, кроме коры и листьев».

* * *

Стремительное движение майсурской армии застало англичан врасплох. Над Британской Ост-Индской компанией вновь сгустились грозные тучи.

Губернатор Мадраса лорд Джон Уайтхилл был по опыту прошлых кампаний невысокого мнения о боеспособности индусов. От сообщений о небывалой мощи армии Майсура губернатор лишь презрительно отмахивался:

– Какие там регулярные войска, какая артиллерия! Это же форменные дикари, что они могут?

Командовавший корпусом, защищавший Мадрас, генерал Гектор Манро и командир расположенного на севере (в районе Гунтура) отряда подполковник Уильям Бэйли были такого же мнения. Между собой они говорили так:

– Наивный Хайдер распространяет слухи о своей мнимой мощи в надежде нас испугать. Увы, по своей дикости он не способен понять, что запугать сказками англичан невозможно!

Однако с первых дней новой войны англичанам пришлось полностью пересмотреть свое отношение к противнику. Сразу же после начала вторжения Хайдера Али, боясь оказаться в окружении, подполковник Бэйли, имея под началом две роты английской пехоты, две артиллерийские батареи и пять батальонов союзных сипаев, понял, что в одиночку с армией правителя Майсура ему не справиться. Избегая боя, он поспешил на соединение с главными силами Манро. Возможно, Бэйли бы и удалось добраться до главных сил, но движение его отряда крайне задерживал огромный обоз, большую часть которого составляли повозки с барахлом офицеров и самого Бэйли. Когда подполковнику говорили об этом, он начинал злиться:

– Мы с вами, джентльмены, не для того столько лет служили в этом проклятом Богом краю, зарабатывая на спокойную старость, чтобы теперь снова стать нищими!

Большинство джентльменов было того же мнения.

Между тем англичан уже достигал авангард старшего сына Хайдера – Типу Султана. Настигнув беглецов, Типу Султан их атаковал. Чудом избежав разгрома, Бэйли кое-как организовал круговую оборону вокруг небольшого форта Поллилур. Двигаться дальше навстречу Манро было опасно, но и обороняться в одиночку он долго не мог. Поэтому к генералу был отправлен гонец с мольбой о помощи, благо до главных сил оставалось каких-то 14 миль. Пока гонец добирался до Манро, пока тот отправлял к Бэйли батальон сипаев полковника Флетчера, пока, наконец, сам Бэйли решил следовать дальше, прошло какое-то время, которое Хайдер Али и его сын использовали куда лучше англичан.

Когда правитель Майсура получил известие от Типу Султана, что Бэйли все еще не соединился с Манро, он несказанно обрадовался:

– Столь щедрого подарка я не ожидал! Англичане просто приглашают уничтожить себя по частям! Не воспользоваться этим было бы слишком невежливо!

И Хайдер Али немедленно отправил в помощь сыну свою кавалерию.

Получив подкрепление, Типу Султан 10 сентября 1780 года немедленно атаковал Бэйли у форта Поллилур.

Известно, что, командуя боем, Бэйли нервно кусал пальцы. Сражение началось неожиданным массированным ракетным ударом, вслед за которым беглый огонь открыла и майсурская артиллерия. Такая мощь огня повергла англичан в состояние шока. То там, то здесь в тесных колоннах английских солдат разрывались ракеты, разрывая людей десятками, над голо-

вами проносились раскаленные ядра. Когда же одна из ракет поразила повозку с порохом, вызвав мощный взрыв, среди англичан началась настоящая паника. Раненый Бэйли пытался восстановить хоть какой-то порядок. Все было напрасно. Что касается бывших в отряде сипаев, то те, побросав ружья, просто разбежались. А в это время в атаку на деморализованного противника уже устремилась майсурская кавалерия...

Надо отдать должное Бэйли, он все же сумел построить из оставшихся пятьсот солдат каре, которое отбивалось до тех пор, пока на ногах не осталось шестнадцать англичан. На этом побоище и закончилось...

Из находившихся под командованием Бэйли 3853 человек 3600 погибли. Все прочие, не исключая и раненого Бэйли, попали в плен.

Как здесь не вспомнить строки Редьярда Киплинга о солдатах Ост-Индской компании:

Мы будем в джунглях ждать до темноты —
Пока на переключке подтвердят,
Что мы убиты, стало быть, чисты;
Потом пойдем куда глаза глядят.

Даешь! Не дошагать нам до победы.
Даешь! Нам не восстать под барабанный бой.
Стая Хищных Птиц
Вместо райских голубиц —
И солдаты не придут с передовой...

...Позднее британцы начнут распускать слухи, что бедолага Бэйли был атакован «неисчислимыми полчищами дикарей». На самом же деле у Типу Султана имелось всего три тысячи воинов... Сражение при Поллилуре полностью перевернуло представление о колониальных войнах, когда англичане действительно громили «неисчислимые полчища» аборигенов. Теперь же аборигены уничтожали англичан, будучи в меньшинстве. Очевидец разгрома французский полковник Бенуа де Буань не без злорадства написал в те дни: «В Индии нет примера подобного поражения».

После разгрома корпуса Бэйли под Поллилуrom Хайдер возобновил осаду форта Аркот, который и пал к его ногам в ноябре 1780 года.

А месяц спустя командующий британской эскадрой в водах Ост-Индии контр-адмирал Эдвард Хьюз атаковал флот Хайдера Али при Мангалоре, нанеся ему значительный урон. Известно, что Майсур потерял в том сражении свои лучшие суда. Но обвинять флотоводцев и моряков Хайдера в поражении было бы глупо. Они сражались храбро и сделали все, что могли, но они сражались с лучшим флотом мира и шансов победить у нас скоро обученных майсурских моряков просто не было.

Однако Эдвард Хьюз радовался рано. В это время, миновав мыс Доброй Надежды, в пределы Индийского океана уже вступил со своими кораблями французский вице-адмирал Сюффрен, тот, кто совсем скоро обессмертит свое имя в сражениях с Хьюзом...

* * *

Когда Манро узнал о сокрушительном разгроме Бэйли, он немедленно развернул свой корпус на Мадрас. Рассказы нескольких уцелевших сипаев о многочисленной артиллерии, о неистовой кавалерии и особенно о невиданных ужасных ракетах повергли в шок всех – от последнего солдата до генерала. Отступление происходило в полной панике, поэтому часть

пушек и подвод с боеприпасами англичане просто утопили в попадавшихся им по пути реках. Отныне вся огромная провинция Карнатик была во власти Хайдера Али.

Понимая, что после Аркота наступит черед Мадраса, губернатор Гастингс срочно перебросил из Бенгалии войска – семь тысяч английских солдат и сипаев – все, что еще оставалось в Индии. Вместо растерянного Манро в командование вступил опытный генерал Эйре Коут, прозванный бенгальцами Коут-бахадур (Коут-герой).

Коут был высок, костляв и сутул. Умные маленькие глазки его терялись между лошадиной челюстью и длинным крючковатым носом, волосы же были, как у всех ирландцев, огненно-рыжими. Свою карьеру Коут начал с подавления восстания якобитов, а затем попал в Индию. Здесь он воевал с навабом Бенгалии, под знаменами легендарного Роберта Клайва, причем умудрился так с ним разругаться, что дело дошло до дуэли, которую удалось замять только в самый последний момент. Впрочем, на карьере Коута это не сказалось. За участие в победной битве при Плесси он получил чин майора. А в 1760 году, уже подполковником, руководил осадой французской крепости Пондишери. После ее капитуляции в январе 1761 года Коут был назначен командующим силами Британской Ост-Индской компании в Бенгалии. В 1762 году он убыл в Англию, получив за службу от компании украшенный драгоценностями меч, а от короля – рыцарство Ордена Бани. И вот теперь в 1779 году Эйре Коут вернулся в Индию в должности главнокомандующего всех британских войск с эполетами генерал-лейтенанта. С генерал-губернатором Уорреном Гастингсом новый главнокомандующий быстро нашел общий язык. При этом Гастингс сразу очертил зоны влияния каждого:

– Каждый из нас должен заниматься своим делом: я занимаюсь управлением компаний, а вы, Эйре, муштруйте солдат.

– Я желаю иметь полную свободу действий во всех военных вопросах! – сразу же взял быка за рога генерал.

– О, делайте что хотите, если считаете, что ваши действия пойдут на пользу Англии и компании! – всплеснул руками Гастингс. – Я в военных делах смыслю ровно столько, сколько вы в моих.

– Тогда по рукам! – протянул ему шершавую ладонь Коут. – И помните, я над собой не потерплю никого!

– По рукам, – вяло вложил в генеральскую лапу свою потную ладошку Гастингс.

Когда Коут покинул кабинет, он вызвал своего помощника Макферсона:

– Джон, кажется, мы попали в страшные челюсти, из которых вряд ли выберемся невредимыми.

– Согласен, сэр, этот рыжий ирландец исключительно неприятный тип! – склонил голову пройдоха Макферсон, давно плетущий за спиной начальника многоходовые интриги в надежде занять его место.

Немного ранее Коута к берегам Индии прибыла эскадра контр-адмирала красного флага Эдварда Хьюза, по кличке Бульдог, о котором мы уже говорили чуть выше. Матросы если не любили Хьюза, то уважали, утверждая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.